

The background of the cover is a dark, textured blue-green. In the center, a large, metallic, double-door elevator is slightly ajar, revealing a bright, hazy interior where a person in a yellow protective suit is visible. In the foreground, three soldiers in black tactical gear and helmets are positioned, facing the elevator. The soldier on the right has a 'СОБР' (SOBR) patch on his sleeve. Numerous iridescent, rainbow-colored bubbles float around the scene, some reflecting the light from the elevator. On the right side, a pair of large, white, feathered angel wings is superimposed, with a red ribbon or sash tied around the waist area. The overall mood is surreal and dramatic.

Александр Архипов

НЕСКУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ПОДПОЛКОВНИКА
ЧАПАЕВА

Александр Васильевич Архипов

Нескучная жизнь

подполковника Чапаева

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66106832

Нескучная жизнь подполковника Чапаева (полицейская мелодрама) :

роман / Александр Архипов: Логос; Москва ; 2021

ISBN 978-5-00187-051-7

Аннотация

Андрей Чапаев – уже известный читателям сотрудник московского уголовного розыска – получает повышение и новое звание подполковника и все с тем же рвением расследует дела. Главному герою предстоит выяснить, кто похитил племянника влиятельного чеченского деятеля; разобраться в перипетиях вендетты в рядах МВД; помочь другу найти насильника жены. Перед подполковником Чапаевым встает дилемма: сознательно пойти на нарушение должностных инструкций, потеряв звезду на погонах, или поступить по совести. Таковы будни оперативного сотрудника уголовного розыска. Но если убийства, грабежи, похищения для Андрея стали частью его жизни, то с новой ролью главы семьи все сложнее и непривычнее. Чапаев учится быть мужем, отцом и узнает от супруги новость, которая вот-вот

изменит всю их жизнь. Готов ли к таким «нескучным» переменам сдержанный и суровый подполковник Чапаев?

Содержание

Служить так служить!	6
Оргпериод	31
Три дня – это много	66
Курсант Еремеев	104
«Изнанка» преступления курсанта Еремеева	130
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Александр Архипов
Нескучная жизнь
подполковника Чапаева
(полицейская мелодрама)

© Архипов А. В., 2021

© Знание-М, 2021

Служить так служить!

Ночь не спал и Ксюхе не давал. Нет, не в том смысле... вернее, не в этом... Ворочался, вздыхал, как стельная корова, вставал и, шаркая тапочками по паркету, шёл в туалет... тупо смотрел на дно унитаза и возвращался в спальню. В конце концов, Ксюха обняла меня и, «по-дружески» забросив на меня ногу, тихо прошептала:

– Ну, чего ты, Андрюш, пузыри пускаешь... Не расстреляют же тебя на новом месте. А если обидят моего Андрюшку, ты только скажи. Мы им всем... Ух!

– Ксюш, ну что ты меня, как маленького, ей богу... – сопел я в подушку, гипнотизируя Луну через неплотно задёрнутую занавеску.

* * *

Воскресенье наступило внезапно. А это значит, что уже завтра я приступаю к своим новым обязанностям в новой должности, на новом месте службы. Что я только этой ночью не передумал! И «...на фига мне это надо? Тут до пенсии осталось...», и «...новое начальство, новая метла. А спина уже не прогибается. Возраст». Правда, тут же: «...хотя на звезду больше. Денежное довольствие выше. Опять же пер-

спективы...» И снова: «Какие к хренам перспективы? Жил себе... почти спокойно».

– Ксюш, я после завтрака в отдел поеду. Нужно личные вещи из кабинета забрать. В будний день не хочу, народу будет много, вопросов... Заеду потом, как-нибудь объяснюсь с коллегами. Да и проставу нужно организовать, как положено.

– Поняла. Тогда я тут по хозяйству... Жень, ты со мной в магазин пойдёшь? – крикнула Ксюша, засевшей в ванной комнате дочке.

Дверь в ванную резко открылась, пропуская всклокоченную после сна Женьку, на ходу натягивающую на попу пижамные брючки. Оценив поступившее от мамы предложение, ребёнок, ни на кого не глядя, ответил:

– Нет, Ксюшечка, я с тобой по магазинам толкаться не пойду. А то будет, как в прошлый раз... Ой, Женечка, посмотри, какой лифчик! Правда, красивый? Как тебе? А никак, мама! Мне шесть лет, куда мне его? Я лучше с Андрюшей поеду. Наши личные вещи помогу носить... Вдвоём мы больше вынесем. Может, там бабушка Клава ещё живая...

– Жень, а может быть, и правда с мамой по мага...

– Чапаев, иди в туалет пока свободно, – укоризненно посмотрев в мою сторону, предупредила Женька. Она права: утром свободный унитаз – это очень актуально.

Уже в прихожей попросил Ксюшу:

– Очень неудобно тебя об этом просить, но соседку Фиру

Самойловну просить об этом ещё неудобней. Дорогая, погладь, пожалуйста, мою «парадку». И фуражку новую освежи... и платок, чтобы был во внутреннем кармане. И туфли – вот эти, чёрные... и носочки. Чуть не забыл... и галстук, галстук, пожалуйста...

– Боже, сколько мне сегодня предстоит добрых дел переделать! – закатила свои голубые глазищи кудрявая бестия. – И дела все такие ответственные, можно сказать, требующие к каждому индивидуального подхода. Не вопрос! Я девушка хозяйственная. Чем расплачиваться будете, господин офицер? – с нагловатой иронией в голосе, приподняв выше колен ночную рубашку, задала вопрос моя сожительница с ребёнком.

– Сундуков с жемчугами мы вам не обещаем. Да, Женька? Но сказочку на ночь изобразить попытаемся! – выталкивая ребёнка из квартиры, пообещал я.

– Сказочники... – нам вдогонку крикнула Ксюшка.

* * *

Уже в лифте Женька неожиданно подняла голову и спросила:

– Па, а что ты маме такое смешное рассказываешь, когда мы спать ложимся? Это сказки такие смешные? Я тоже хочу... а то мне плохо слышно!

– Не понял. Ты это какие сказки имеешь в виду, Жень?

– Ну, ты сначала: «бу-бу-бу... бу-бу-бу... Ты мой ангелочек», – попыталась хриплым детским басом изобразить мой голос Женька. – А она: «хи-хи-хи... ай-яй-яй», а потом – «а... а... милый, да... а... а». Это про что сказка?

– Это про то, Жека, что нам нужна квартира другой планировки, – покраснев, ответил я честно.

* * *

Стоянка у здания отдела была наполовину пустой, но моё место было занято. Я уже было хотел нахмурить интеллект, но потом понял, что слух о том, что с понедельника майора Чапаева уже здесь не будет, давно пролетел сквозняком по коридорам конторы. У входа стоял с сигареткой помощник дежурного прапорщик Володя Чернов.

– Доброе утро, Андрей Васильевич. Попрощаться приехали? Ваша? – кивнув на Женьку, поинтересовался Чернов.

– Привет. Да, Вова, моя. Из розыска есть кто?

– При мне никто не проходил, – ответил прапорщик, – а дежурная группа на выезде. Бытовое насилие у нас.

– А чего там, Вов?

– Да баба одна на соседке свои пропавшие серёжки увидела. Ну и вломила ей сковородкой по темечку, а потом ещё и муж объявился... Ну и понеслось! – криво улыбнулся Чернов, пропуская нас с Женькой в отдел.

Дежурил сегодня «вечный» капитан Кривошاپка. Ему

было уже за сорок, и Миша считал месяцы перед пенсией, зачёркивая их красным фломастером на календаре. Увидев меня, он широко заулыбался пластмассовыми зубными протезами и, протянув через решётку окна руку, поздоровался:

– Привет, Чапаев! Слышал, тебя на повышение? Поздравляю! Большому кораблю, как говорится... А я тут досижу... Вот, выбираю. Как думаешь, Андрюх, «Ямаху» брать или «Меркури»?

Честно говоря, Мишане до пенсии оставалось десять месяцев, но он уже всех достал своим выбором подвесного лодочного мотора. Причём выбор каждого он записывал в блокнот, надеясь при подсчёте на мнение большинства.

– Я за «Ямаху», Мишаня, – как на духу, сделал свой выбор я.

– Я тоже Чапаева, и я тоже за «Ямаху», – подпрыгивая, подняла руку Женька.

Мы уже были далеко за поворотом коридора, когда я услышал:

– Не понял, Чапай, а ты раньше за «Меркури» голосовал... у меня записано.

Открыв своим ключом кабинет, мы с Женькой вошли в помещение, которое мы с ребятами любовно больше двух лет называли «гнездом». Сколько людей – по своей или не своей воле, по служебной необходимости или в силу сложившихся обстоятельств – прошли по этим квадратным метрам несуразной планировки кабинета.

– Жень, а давай я тебе сейчас чаю с печеньками сделаю, и ты посидишь тихонько. А я пока личные вещи поскладываю, – предложил я.

– Давай, – согласилась Женька, – ты побольше собирай, Андрюш, мы всё унесём.

И пока я раскладывал из сейфа и письменного стола по картонным коробкам свои личные вещи, нажитые честным ментовским трудом, Женька, сидя на высоком стуле и весело болтая ногами, спрашивала:

– Па, а это случайно не наша личная вещь?

– Нет, это Алика одёжная щётка. Очень необходимая полицейскому вещь.

– А эта железочка с ручкой? – показывая на чёрную двухпудовую гирию под столом у Дрозда, спросил ребёнок.

– О! Это тоже очень нужная вещь. Но пусть её дядя Ваня сам прёт!

Конечно, я снял со стены портрет «своего родственника» – Василия Ивановича Чапаева, муляж казацкой шашки и деревянную кобуру от «революционного «маузера». А вот как быть с плакатом, с изображённой на нём страшной тёткой с толстым пальцем у нижней губы? «Не болтай!» – предупреждала грозная тётка. С одной стороны, она уже не нужна. Дверь между помещениями уже поставили, и бить тётку по фанерной голове, привлекая внимание, уже не нужно. Да и часть интерьера... Как раз в это время, застав меня в раздумье, в кабинет вошёл мой старинный приятель – Вася

Крепченко. Здоровались так, будто сто лет не виделись.

– Что, сучий кот, в родное «гнездо» потянуло? – радостно зарычал Вася, пытаясь сломать мне позвоночник.

– Васька! Ребёнок! – шикнул я на друга, кивая в сторону Женьки.

– Тю... Привет, Джоник! Как дела, красотка? – как ни в чём не бывало заржал приятель.

– Привет, дядька Васька! Ты тоже за личными вещами? – поинтересовалась маленькая Чапаева.

– Так я это... дела принимаю. Только Жукова проводил, смотрю, «паджерик» чапаевский стоит. Попался, думаю! Ну, как дела, Андрюх? На новом месте был уже? Хорошо тебе, ничего передавать не нужно. Черных всё знает, в курсе всего. А я почти неделю в бумагах ковыряюсь, а в голове... А тут ещё Клавдия Ивановна... смотрит на меня, как побитая собака. Я ей, типа, тётъ Клав, вы не волнуйтесь, работайте, как при Жукове. А она отвернулась к окну, носом шмыгает и говорит: «Тебе, Вася, молодую помощницу нужно искать». Ну что ты с ней сделаешь?

– Ну, когда-нибудь действительно молодую возьмёшь, а пока Клавуся для тебя – спасательный круг, – согласился я. – Как там Филипп Петрович? Небось, клянёт меня?

– Напрасно ты, Чапай! Петрович – золотой мужик. Сколько раз он нас с тобой прикрывал, помнишь? Он всё понимает. Не ты бы поймал эту гниду Кошкина – другой бы этого блохастого на живодёрню отправил. Ладно, поговорим ещё.

Пойду, меня моя старушка Изергиль ждёт, – попрощался со мной новый начальник ОВД Василий Иванович Крепченко.

– Пока, Вась. Примем дела – пересечёмся обязательно, – пожал я руку другу.

Уже в дверях Вася обернулся и, глядя на плакат с красно-рожей бабой, сказал:

– Кстати, Жуков своим преемником тебя видел. Не знал? Но раз так получилось... Чапаева! Держи хвост пистолетом!

– Нет у меня ни хвоста, ни пистолета! – весело ответила Женька, помахав дяде Васе ручкой.

Я не знал. Я много чего не знал.

* * *

Подойдя к двери своей квартиры, мы с Женькой принюхались. Из нашей квартиры чем-то приятно пахло, раздражая вкусовые рецепторы и слюнные железы. Чем-то печёно-жареным, я бы сказал, попахивало.

– Картошечка жареная, – облизнулась Женька, – а может, даже котлетки...

– Пригорела... – предположил я, втянув в себя воздух из замочной скважины.

– А я люблю поджаристую, – сглотнул слюну ребёнок, начав снимать кроссовки ещё в подъезде.

Просочившись в квартиру, Женька рванула на запах.

– Куда? А руки? – безжалостно крикнул я вслед, разбра-

сывая по прихожей коробки с личными вещами из бывшего кабинета.

Но через пару секунд из кухни вышла голодная девочка с безвольно опущенными плечами и понурой мордашкой.

– Сам свои руки... – выдавила из себя на вдохе Женька. – Нет там никакой картошечки.

Я подошёл к кухонной двери и неуверенно заглянул внутрь. А там, разложив обеденный стол, наша трудолюбивая хозяйка отпаривала мой мундир. Через плотные клубы пара был виден полуголый, блестящий от пара и пота силуэт труженицы.

– Жарко... зараза! Марля к утюгу прилипает, приходится каждый раз пшикать. Шурую, как сталевар в конце пятилетки! Ты когда в последний раз форму-то надевал? Она на вешалке симметричность потеряла. Чапаев, мне тут за вредность что-нибудь полагается? – нажимая на шипящий, как гюрза, утюг, поинтересовалась сожительница с ребёнком.

Было ясно, что обеда не будет. Его заменили стрелки на моих форменных брюках и парадный китель – чёрный, как крыло у ворона во время брачного периода. Я молча взял телефон и пошёл в комнату к Женьке.

– Алло, здравствуйте! Это пиццерия «Сицилия»? Примите заказ. Девчоньш, ты какую и с чем пиццу будешь?

Помните размер чайного блюдца? А рот до ушей, как у Буратино, помните? Вот такие были счастливые глазищи у моего ребёнка, и до таких размеров растянулась её малозу-

бая улыбка.

– Вот такую! – раскинула ручки Женька. – С сыром, с ветчиной, курицей, ананасом, сыром... нет, с сыром я уже говорила. Со всем пусть делают. Только быстро. Я доставщику десять рублей дам, у меня есть, – выпалил, захлёбываясь слюной, ребёнок.

– Я всё слышала, – засмеялась в трубке девушка. – А вы какую будете, мужчина?

– А мне... пиццу поменьше, а мяса в ней побольше.

– Ваш адрес вижу, вы наш постоянный покупатель. Будет скидочка. Ожидайте в течение сорока минут.

– Ура!!! – заорал счастливый ребёнок. – Па, а сорок минут – это же быстро?

В это время в комнату зашла наша Ксюша. В одной руке она держала за дужку вешалку, на которой, мужественно раскинув плечи, сиял майорскими погонами мой парадный мундир. А во второй руке она держала огромных размеров марлю, которой стирала потный глянец с открытых участков тела. И надо сказать, все эти её открытые участки уводили мысли о пицце и мундире на второй план. С огоньком трудилась девушка! Повесив мундир на кухонную дверь, полу-голое создание грациозно подарило нам глубокий реверанс и весело поинтересовалось:

– Ну, что, работяги, проголодались? Мыть руки! Я вам пиццу заказала. Пятнадцать минут назад привезли. Ещё горячая!

Утро понедельника для меня началось с небольшого раздражителя. Раздражителем оказался молодой заспанный прапорщик на КП у ворот въезда на территорию УВД. Посмотрев на «морду» моего чисто вымытого «барсика», он нехотя прокомментировал, постучав пальцем по лобовому стеклу:

– Товарищ майор, вашу машину на территорию пропустить не могу. Пропуск не оформлен. Пятьсот метров по главной есть общая стоянка, там можно припарковаться, если места есть.

Мысленно пообещав при первой же возможности расстрелять прапорщика, я поехал искать стоянку. Место нашлось быстро, достаточно было показать парковщикам майорский погон и полицейский шеврон в открытое окно. Не успел отойти от машины, как услышал автомобильный сигнал. Затонированное пассажирское окно «мерседеса» с голубыми номерами открылось, и я увидел улыбающееся лицо полковника Лядова. Сел принципиально рядом с водителем.

– Здравствуй, Андрей Васильевич. А ты чего, на перекладных? – поинтересовался полковник.

– Здравия желаю. Не пустили. Говорят, мол, чужой. Бросил машину чёрт-те где...

– Приказ о тебе уже есть. Мой помощник все необходи-

мые выписки сделает и в дежурную часть отнесёт. Получишь и пропуск, и новое удостоверение. Ну, как ты?

Готов? – с какой-то ехидцей в голосе спросил Лядов (типа – не сс...шь?).

– Я в норме, Иван Макарович. Послужим, – мудро ответил я, стряхивая невидимую пылинку с майорского погона.

– А ты ничего так... как с плаката. Первый раз тебя в форме вижу. Привыкай. Ты теперь не в заурядном райотделе будешь службу служить...

Хотел я ему напомнить, что он свою единственную дочь в такой заурядный отдел привёл после института, но тут машина подъехала к воротам Управления, и из помещения КПП выскочил знакомый мне прапор. Я нажал кнопку, и стекло на двери служебного «мерседеса» бесшумно пошло вниз. Подождав, пока прапорщик заглянет внутрь салона, я негромко, но очень внятно произнёс в открытое окно:

– Шевели щупальцами, сынок, не на курорте!

– Тащ майор? – удивлённо промямлил прапор, отдавая честь.

Створки ворот с двуглавыми орлами медленно поползли в стороны, пропуская служебную машину.

– Знакомы? – поинтересовался полковник.

– Да, что вы... Он мне теперь как сын! Иван Макарович, мои действия?

– Прямо сейчас идём представляться генералу. Ну а потом мой помощник познакомит тебя с новым местом служ-

бы, Чапаев.

Внутренняя территория Управления МВД оказалась довольно просторной и на удивление зелёной. Огромные деревья накрывали тенью практически одну треть свободно-го пространства. И это мне сразу понравилось. Ещё понравилось то, что чисто визуально не наблюдалось борьбы водителей за «место под солнцем» (вернее, в тенёчке) для своих верных железных коней. Правда, как позже оказалось, мнение было ошибочным. Из машины мы с полковником вышли одновременно. Лядов шёл быстро, иногда коротко кивая, иногда отдавая честь попадавшимся сотрудникам Управления. И, надо сказать, «честь» достаивались не многие. Я старался не отставать. И мне даже казалось, что мы с ним шли практически в ногу. Про себя отметил, что это мне напомнило эпизод из легендарного фильма «Семнадцать мгновений весны». Два шикарных офицера в красивой чёрной форме идут по длинному коридору имперской канцел... виноват, Управления МВД. А попадающиеся навстречу сотрудники и служащие вытягиваются по стойке «смирно» вдоль деревянных панелей стен и приветствуют своих обожаемых начальников.

* * *

– Товарищ генерал-майор, майор полиции Чапаев! Представляюсь по случаю вступления в должность, – вытянув-

шись, гаркнул я, преданно глядя прямо в глаза портрету министра внутренних дел России Колокольцеву Владимиру Александровичу (это мне всегда помогало и придавало силы).

Из-за своего стола вышел начальник Управления и, подойдя ко мне, протянул руку.

– Фамилия у вас, майор... подходящая. Запоминается хорошо. Я её даже из уст начальника нашего Главка слышал. А уж от Ивана Макаровича... Убедил меня в необходимости организации при нашем Управлении нового подразделения. Надеюсь на ваш опыт и знания.

– Буду стараться оправдать оказанное доверие, товарищ генерал-майор, – ответил я.

– Ну, если вопросов нет, служи, майор! – кивнул мне генерал, направляясь на своё рабочее место.

– Есть вопросы, товарищ... – начал было я «ковать, пока горячо».

– А вот вопросы к своему непосредственному начальнику, – уже взяв в руки какие-то бумаги, ответил генерал.

В приёмной начальника Управления нас ожидал помощник полковника Лядова.

– Знакомьтесь, Андрей Васильевич. Мой помощник, капитан Лобов Геннадий Егорович. Геннадий, пробегись с майором по Управлению. Покажи где, что и как. Документы готовы?

Короче, разберётесь, а я по своему плану, – уже направ-

ляясь к выходу, сказал полковник.

– Иван Макарович, а что по поводу штатного расписания? Вы обещали...

– Да помню я... Ближе к обеду тебя найдут, – исчезая в тоннеле коридора, бросил на ходу Лядов.

За час Лобов протащил меня по всем закоулкам здания Управления, включая пристройки с мастерскими, гаражами и подсобными помещениями. Предпоследней остановкой была столовая. Оно и верно. Чашка кофе (а он здесь был почти настоящий) ещё никому не помешала. Тем более что «кормушка» личного состава произвела впечатление. И если бы не эти бесконечные погоны за столиками...

– Слышь, Ген, а что мы всё вокруг да около? Когда я наконец в свой кабинет попаду? Или ты готовишь для меня какой-то умопомрачительный сюрприз, или стесняешься мне его показать, – начал вслух размышлять я.

– Ну, ты, Чапаев, даёшь! Сам догадался? Ты ж понимаешь, создать, а тем более разместить целый отдел в здании, где всё уже давно поделено и размещено, дело непростое. Вот и пришлось перекраивать, как еврейскому портному, из штанов дедушки юбочку для внучки, – немного смутившись, ответил капитан. – Здесь чуть дальше по коридору спортивный зал, тренажёры, раздевалки, подсобки для спортивного инвентаря, душевые. Короче, отобрали у спортсменов три помещения для твоего отдела. В двух ремонт уже сделали и мебель с оргтехникой уже поставили, а вот в третьем... Пошли посмот-

ришь.

– А двери есть? – как-то не подумав, спросил я.

– Что? Какие двери? – не понял мой вопрос Лобов.

– Да так, не обращай внимания. Вопрос из прошлой жизни, – усмехнувшись, ответил я.

Полутёмный коридор мигал «умирающей» люминесцентной лампой, создавая загадочное настроение. Обращали на себя внимание три одинаково новые входные двери. Одна слева и две напротив. «Они», – догадался я. Лобов открыл первую дверь. Довольно просторное помещение. Три стола, три сейфа, три ноутбука, один шкаф и два стеллажа у стен. С потолка сиротливо свисает на тонком проводе единственная лампочка. Лобов щёлкнул выключателем, лампочка зажглась.

– О! Горит! – как бы даже удивившись, объявил капитан.

Вторым открыли кабинет напротив. Помещение в два раза меньше первого, зато есть большое зарешеченное окно, а не форточка, как в первом. Большой письменный стол со стационарным телефоном, стол для совещаний, сейф, небольшой шкаф и всё та же лампочка на потолке. Зато вместо ноутбука – стационарный компьютер и, насколько я разбираюсь, из современных.

– Я так понимаю, мой? – собственно ни к кому не обращаясь, спросил я. – А третий?

– По третьему есть вопросы. В этих двух склад инвентаря был. Инвентарь весь убрали... в третье помещение. Я думаю,

этот вопрос сам решишь с начальником АХО? – улыбнулся в ответ Лобов.

– Открывай! – настоял я.

По площади третье помещение было таким же, как первое, только под потолок забитое спортивным инвентарём. Тут были и сложенные штабелем маты, и какое-то железо, пара затёртых «коней» или «козлов» со сломанными ногами, заклеенные скотчем старые боксёрские груши различной конфигурации и размера...

– Вопрос решать с начальником АХО? – криво усмехнувшись, поинтересовался я.

– С ним, Андрей, с ним. Он мужик душевный, поможет.

– Слушай, а почему в кабинетах нет ни одного стула? Это чтобы не засиживались?

– Знаешь, Андрей Васильевич, мне мой дядька рассказывал, как он в начале девяностых пришёл участковым инспектором работать. Заходит на участок, а в кабинете одни стены. Спрашивает: «А где мне сесть можно?» А ему отвечают: «Пистолет выдали? Ну а дальше сам как-то!»

– Интересно излагаешь, Гена. Мне мой дядька точно такую же историю рассказывал про девяностые. Мы не родственники? – усмехнувшись, ответил я.

Во внутреннем кармане кителя щекотно завибрировал смартфон. Незнакомый номер...

– Да...

– Что «да», Чапаев? Представляться не учили? Тебя ждать

долго? Мухой ко мне! – раздался в динамике низкий неприятный голос.

– Ты чего, Андрей? Кто звонил? – спросил Любов.

– Не понял. Сказал, типа, «мухой ко мне»...

– Последние цифры номера – 425? – заглянув в свой телефон, спросил Геннадий.

– Ну да...

– Опаньки! Тогда беги! Кабинет номер триста десятый. Я тебе показывал... Полковник Воронин Николай Петрович – твой шеф. Начальник криминальной полиции нашего управления. Жёсткий мужик, но не зверь. Вот тебе ключи от кабинетов и сейфов. Документы и пропуск на машину получишь в дежурной части, канцелярские причиндалы – на складе.

– А мне казалось, что у нас общий шеф, – удивился новости я.

– Нет, Андрей, у наших подразделений разные функции, а значит, и начальники разные. Лядов тебя первое время курировать будет. В смысле отдел твой. Так что встречаться будем регулярно, наши полковники частенько членами меряются, – засмеялся, подталкивая меня вперёд весёлый «гестаповец».

* * *

– Разрешите... Товарищ полковник, майор полиции Чапаев. Представляюсь по случаю вступления в должность, –

одёрнув мундир и приложив пятерню к фуражке, отрапортовал я в сторону сидящих за столом мужчин.

А за столом сидели шестеро сурового вида мужиков, и только один из них, в звании подполковника, был одет по форме. «Ну и кто из вас мой будущий грозный шеф?» – подумал я, продолжая держать пятерню у фуражки.

– Проходи, Чапаев, садись, – первым сдался лобастый мужик плотного телосложения в синем костюме с седым ёжиком волос на голове. – Товарищи офицеры, представляю вам нашего нового коллегу, майора Чапаева...

– Андрея Васильевича, – подсказал я, садясь на указанное место.

– Андрея Васильевича, – кивнул полковник, – который будет с нуля организовывать при нашем Управлении новое подразделение – «Отдел оперативного розыска». То есть раскрытие преступлений по горячим следам. Опыт работы в этом направлении у майора богатый. Надеюсь, от этого богатства и нам с вами что-нибудь перепадёт.

Ну, а дальше полковник Воронин представил мне присутствующих на совещании коллег: начальника уголовного розыска, начальника отдела по борьбе с организованной преступностью, начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями, начальника отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и командира СОБРа (подполковник, одетый по форме). Знакомство было корректным и доброжелательным. «Собровец», наклонившись ко мне, тихо сказал:

– Мои парни к тебе в кабинет железо сгрузили. Не мешает?

– Пока нет, – улыбнулся я.

– Виктор, – протянул руку подполковник.

– Андрей, – представился я.

– На этом, товарищи офицеры, предлагаю совещание закончить и разойтись по рабочим местам. Майор Чапаев, задержитесь, – сказал Воронов, встав со своего места.

Подождав, пока начальники отделов выйдут из кабинета, Воронов сел в своё кресло за столом и предложил мне сесть ближе.

– Хорошую фамилию носишь, – сдержанно улыбнувшись, сказал полковник.

– Ну да, неприметная, – согласился я.

– Родственник?

– Да как сказать? Слухи разные ходят в семье, – теперь уже я позволил себе улыбнуться.

– Я что хотел сказать-то... Ты не в рай попал, Андрей Васильевич. На новеньких всех «дохлых собак» вешают, сам знаешь. Готов служить? – хитро прищурившись, спросил меня полковник.

– Служить так служить! – честно ответил я, незаметно подмигнув портрету министра.

– Я знаю, сегодня к тебе люди в отдел придут. В приёмной сейчас тебя ждёт капитан Шароев. Это мой парень.

Недавно перевёлся из Махачкалы. К сожалению, у убой-

щиков не прижился. Присмотрись, правильный мужик. Есть боевой опыт.

– А почему в «убойном» не прижился, если не секрет? – поинтересовался я.

– Больно умный и борзый, – усмехнулся полковник, – но мозги работают, как у охотничьей собаки. Разберёшься, я думаю. Общий сбор у нас каждый понедельник в девять ноль-ноль. Свои предложения и заявки по организации отдела сбрасывай мне на электронную почту. Не задерживаю, Андрей Васильевич. Как ты говоришь? «Служить так служить?»»

* * *

Выходя из кабинета начальника криминальной полиции Управления, я заметил, как мне навстречу со стула поднялся среднего роста черноволосый мужчина, одетый в чёрную кожаную куртку и джинсы. «Этот, что ли? «Чех» какой-то. Никуда без них...» – подумал я.

– Товарищ майор, разрешите обратиться? Капитан Шаров. Направлен в ваш отдел на должность старшего оперуполномоченного, – абсолютно без кавказского акцента представился капитан.

– Не разрешаю, – включил я идиота-начальника, двигаясь по коридору.

– Не понял, – округлил глаза «чеченец».

– Ну, что не понял? Ты меня спрашиваешь: «разрешите обратиться?» И, не дождавшись моего разрешения, чешешь себе, что в голову придёт. А я не разрешаю к себе обращаться. Понял? – окончательно запудрив мозги Шароева, я начал спускаться по ступенькам к себе на первый этаж.

Прислушался. Звука шагов слышно не было. Значит, «умный и борзый» анализирует ситуацию знакомства с начальником-идиотом. Но нет, топает, даже бежит. Догнал и идёт чуть позади... молчит. Додумывает.

– Ко мне можешь обращаться: товарищ майор, Андрей Васильевич, Чапаев, шеф, босс, начальник, командир... Пальцы загибаешь? А в особых случаях – ваше высочество, ваше сиятельство, луноликий, ну или как-то ещё более пафосно. Я это люблю. А тебя как мамка назвала? – остановившись и протягивая капитану Шароеву руку, поинтересовался я, улыбаясь.

– Женей меня зовут. Евгением. Шароев Евгений Магомедович, – смущаясь, ответил капитан. – Ну вы меня, конечно, развели, товарищ майор.

– Ничего так, я чувствую, в тебе намешано, – удивился я, открывая первый кабинет. – Выбирай себе стол, Евгений Магомедович. Ты – первый. И как это всё получилось у тебя?

– В Дагестане это нормально. У нас в республике много смешанных браков. Мой отец – аварец, а мама – русская. По-знакомились они в институте. Папа заканчивал, а мама только поступила...

– Стоп-стоп, ты мне сейчас начнёшь свою родословную расписывать и почему у тебя глаза голубые? Ты как сюда попал? – прервал я пылкую речь полукавказца.

– Так я же и говорю, меня Женей назвали, а сестру Фатьмой. В Махачкале окончил университет, служил в органах. Полгода назад мы с сестрой переехали в Москву. Это всё, что могу рассказать, товарищ майор.

– Я так понял, что в твоей биографии есть то, что ты можешь рассказать, а есть то, о чём лучше не спрашивать? – поинтересовался я, глядя в небесно-голубые глаза аварца.

– Так точно, – кивнул головой Шароев, не отводя взгляда.

Много было белых пятен для меня в коротком рассказе о себе капитана Шароева. Конечно, смутила и последняя фраза: «это всё, что могу рассказать...» Ничего, будешь ты мне интересен и для дела полезен, капитан Женя Магомедович Шароев, я и без тебя всё о тебе узнаю. Мы ж сыщики, Жень!

* * *

По длинному коридору Управления шли два сотрудника полиции. Он – старший лейтенант в мешковато сидящем кителе и брюках гармошкой. И она – лейтенант полиции в идеально подогнанном мундире с погончиками, в юбочке-карандаш и ярко-алом нашейном платке. Приметная парочка.

– Смотри, Вань, тут в коридоре народу больше, чем у нас во всём районном отделе, – вполголоса сказала Светлана Ля-

дова, обращаясь к старшему лейтенанту Дроздову.

– Извините, товарищ, вы не подскажете, где нам Чапаева найти? – спросил Дроздов у пробегающего мимо парня в штатском со стопкой папок в руках.

– Чапаева? Я правильно расслышал, ты спросил о Чапаеве? А вы случайно не Петька с Анкой-пулемётчицей? – поинтересовался парень, с интересом рассматривая лейтенанта в юбочке.

– Я тебе сейчас такую пулемётчицу... – нахмурил Ваня брови.

– Вань! Идите, товарищ. Архив прямо и направо, – подсказала лейтенант Лядова.

– Свет, а ты откуда знаешь про архив? – удивился Дроздов.

– Вань, я буковки на дверях читаю. Звони шефу.

Вспомнив про телефон, Иван набрал меня и облегчённо выпалил:

– Фу, Васильич! Наконец-то! Нам куда? В отдел кадров сначала? Где тебя искать-то? Народу – не протолкнуться!

– Ваня, спускайтесь на первый этаж, а там по запаху найдёте столовую. Время обеденное. Занимайте столик и ждите нас с Женей, – ответил я.

– А кто такая Женя? – поглядывая в сторону Светланы, спросил Дрозд.

– Тебе понравится, – обнадёжил я парня. – Выдвигайтесь. Мы встретились у входа в столовую. До обеденного пере-

рыва оставалось десять минут, значит, у нас было время спокойно занять столик без риска быть затоптанными голодными полковниками.

– Дрозд, мне два пирожка с мясом, один с капустой и двойной «американо». А я займусь самым сложным. Выбором столика. Кстати, знакомьтесь. Светлана, Иван. Капитан Евгений Шароев, мой заместитель. Дрозд, не морщи мозги... у него отчество – Магомедович.

* * *

Я, к счастью, доедал уже свой третий пирожок, когда почувствовал вибрацию смартфона. Звонил полковник Воронин:

– Чапаев, ты где? Хотя неважно. Срочно ко мне!

Вывалив на стол связку ключей и на ходу бросив: «Разберётесь!», я побежал вверх по ступенькам.

Оргпериод

В кабинете у Воронина с чашкой кофе в руке сидел полковник Лядов. А вокруг стола нарезал круги начальник полиции общественной безопасности полковник Глушко. Лица у полковников были такие, как будто только что прослушали речь Левитана об объявлении войны. Лядов показал мне на кресло возле себя и мрачно сказал:

– Слушай. Вопросы потом.

Убрав со стола три маленькие пустые хрустальные рюмки и взяв в руки несколько листов с печатным текстом, полковник Воронин начал излагать суть дела:

– Позавчера, в субботу, под крышей нашего ледового дворца проходил концерт немецкой рок-группы. Для обеспечения правопорядка на это мероприятие были выделены силы и средства из числа подразделений полиции общественной безопасности. В частности, были усилены экипажи машин ППС. Экипаж патрульной машины УАЗ под номером 221, где старший патруля – лейтенант Стариков и водитель-патрульный сержант Иванченко, был усилен младшим сержантом Тищуком. Задачей экипажа патрульной машины 221 было патрулирование по утверждённому маршруту в районе ледового дворца во время концерта, а также после его окончания. На смену заступили в восемнадцать ноль-ноль. За время смены предотвращены три правонару-

шения, составлено два протокола о правонарушениях, задержано четыре правонарушителя, – закончил читать полковник.

И, отложив бумаги в сторону, продолжил изложение материала уже в собственной интерпретации:

– Экипаж заступил на дежурство в восемнадцать ноль-ноль по московскому. Сменились в два ночи. Ничего необычного. Сдали оружие, спецсредства, расписались в протоколах и по домам. На следующий день, то есть в воскресенье, лейтенанта Старикова находят изувеченным на стройплощадке, недалеко от тренажёрного зала, где он до этого занимался. Ночью того же дня на озере, недалеко от посёлка Чёрные Воды, были обнаружены сержанты того же экипажа – Тищук и Иванченко. Сержант Иванченко от полученных ран, несовместимых с жизнью, скончался по дороге в больницу. А младший сержант Тищук в настоящее время находится в коме. Вот такие у нас с вами серые будни, мать его...

– Скорее выходные, – негромко поправил начальника я.

– Не понял? – переспросил Воронов. И я заметил, как все полковники непонимающе посмотрели в мою сторону.

– ЧП случилось в воскресенье, – попробовал объяснить я, невольно вставая со своего места и вытягиваясь по стойке «смирно».

– А ты молодец, Чапаев. Следишь за ходом мысли. Так вот, это касается лично тебя и твоего экспериментального

отдела, мать его. Нет у вас больше ни воскресений, ни других выходных. Мне сказали, что тебя разместили где-то в подсобках возле спортзала? Вот там, на спортивных матах, и спать будете. Объявляю вам казарменное положение. Сроку вам – дв... три дня! Ну, а не справишься... Будем считать, что эксперимент не удался. А, Иван Макарович? – сверкнул глазами в сторону полковника Лядова полковник Воронин.

– Согласен с вами, Николай Петрович. Всё, что нужно вашему отделу для оперативного расследования этого дела, будет предоставлено незамедлительно. Надеюсь, мотивы понятны. Дело резонансное. Наше Управление сейчас не то что через лупу... через телескоп разглядывают. И дело тут не только в чести мундира, – багровея лицом, ответил полковник Лядов.

– Никто не имеет право покушаться на жизнь сотрудников полиции. Даже тогда, когда они не при исполнении. Хорошие ребята были, – понизив голос, произнёс полковник Глушко.

– Да ладно тебе, Витя, остальных хоронить. Двое-то живы. Дело передано старшему следователю по особо важным делам подполковнику юстиции Корниенко Виолетте Юрьевне. Вот тебе её телефоны. Что тебе для начала нужно, Чапаев? – спросил, поднимаясь со своего места, Воронов.

– Четыре стула, – негромко ответил я.

– Опять тебя не понял. Что-то не могу я пока привыкнуть к твоим выкрутасам, Чапаев, – возмущённо бросив на стол

очки, психанул полковник.

– Пока прошу об элементарном, товарищ полковник. В кабинетах отдела нет ни одного стула, две электролампочки на три кабинета, ни одного листа бумаги, нет даже карты района. В кабинете на три компьютера, одна розетка в дальнем углу. На казарменное положение согласен, но тогда хоть старый электрочайник дайте, – перечислил я первое, что в голову пришло.

По лицам полковников я понял, что попал в десяточку. Глушко и Лядов достали телефоны и, отвернувшись, начали куда-то названивать. И только Воронин, нажав кнопку на селекторе, тихо, но зло сказал:

– Начальника АХО срочно ко мне. И передай, чтобы мыло и ёршик с собой прихватил, чёрт старый. Оборзел, француз!

Потом, повернувшись ко мне, уже с другим выражением лица спокойно сказал:

– Первый доклад от тебя в девять ноль-ноль, второй – в четырнадцать, третий – в девятнадцать. Если возникнут проблемы, звонишь круглосуточно. Чего стоим, удила жуём? По коням, Чапай!

Коротко сказав: «Есть!» – я побежал вниз, к своим.

* * *

Возле дверей наших кабинетов, откуда ни возьмись, уже суетился народ. Народ был из разных отделов и, как гово-

рится, «от себя отрывали»: чайники, переноски, кофе в открытых пачках, светильники с треснувшими колбами, стаканы и кружки с отбитыми ручками. Даже тостер перегоревший зачем-то приволокли. Заодно знакомились, подкалывали друг друга, ставили на счётчик за долги по сахару. Как говорил мой друг Вася Крепченко, «У ментов на пенсии одна дорога – в цирк!» А из третьей комнаты выносили маты, гимнастических «козлов» и «коней», блины и грифы штанг, гантели и гири разного веса. Дрозд пытался вырвать из рук пожилого прапорщика огромный боксёрский мешок, а лейтенант Лядова волоком перетаскивала в свой кабинет фрагмент шведской стенки. Из наших помещений выносили старые «советские» столы и тумбочки с наотмашь нарисованными инвентарными номерами и заносили новые, современные. Принесли пять кресел на колёсиках и один почти кожаный, почти трон (для кого такая роскошь, было понятно). И всем этим руководил Женя Шароев, показывая, куда нести и как ставить. А на выходе чуть ли карманы не проверял, унижая недоверием прапорщиков и сержантов взвода обеспечения, старший лейтенант Дроздов. Наконец, под занавес пришёл начальник АХО подполковник Тарасенко и, умело руководя двумя прапорщиками, закончил дизайнерское оформление моего кабинета почти новым кожаным диванчиком. Ну и лично передал два «согласованных» портрета в скромных рамках. Через десять минут служивый народ разбежался по своим делам, а Ваня Дроздов, протерев рукавом своего

кителя портрет президента, задумчиво спросил:

– Васильич, а куда Вовчиков будем приколачивать?

– Ваня! – стиснув зубы и закрыв глаза руками, простонала Лядова.

– Старший лейтенант Дроздов! – округлил глаза Шароев.

– Ах, оставьте, капитан...

– Дрозд! – покрутив пальцем у виска, замахнулся на коллегу я.

– Портрет Владимира Александровича Колокольцева приладим вот к этой стене, – громко крикнул капитан Шароев, – а Владимира Владимировича Путина – к этой. Здесь свет очень удачно падает.

Смеяться мы пошли в другую комнату. Там я своей команде и рассказал о первом нашем деле.

* * *

Для начала я принял решение прозвонить старшему следователю по особо важным делам подполковнику юстиции Корниенко В.Ю... Нужно было понять, какие основные версии решило отрабатывать следствие, ну и познакомиться с непосредственным руководителем следственной группы.

– Здравствуйте, Виолетта Юрьевна. Разрешите представиться, начальник отдела оперативного розыска УВД майор Чапаев. Хотел бы получить информацию по покушению на убийство сотрудников ППС. Мне поручено под вашим руко-

водством заниматься этим резонансным делом, – мужественным баритоном представился я, жестами приказывая своим коллегам заткнуться.

– Очень приятно, Андрей... Андрей Васильевич. Ну, что же, подъезжайте, оговорим наши совместные действия по этому, как вы правильно выразились, резонансному делу. Я ещё не успела папку с первичными показаниями открыть, а мне уже... сами понимаете. Так что жду вас, – приятно удивив мягкостью тембра, ответила Виолетта Юрьевна.

– Виолетта Юрьевна, у меня к вам встречное предложение. Времени на поиски преступников мне дано по минимуму, а перемещаться по Москве в это время – просто непростительная трата сил, времени и ресурсов. Вы сказали, что у вас есть уже папка с предварительными показаниями и первичными осмотрами мест преступлений, а у меня не то что показаний, у меня даже папки нет. Верите? У нас сегодня первый рабочий день. Вышлите, пожалуйста, на мой электронный адрес всё, что у вас есть, и я начну работать. А я, со своей стороны, обязуюсь держать вас в курсе всех дел, касающихся розыска.

– Обещаете, Андрей Васильевич? – строго спросила «важнячка».

– Как до сих пор неженатому человеку, мне трудно что-то обещать красивой женщине, но, поверьте, таких, как вы, я не обманываю. А если серьёзно, как вы считаете, товарищ подполковник, какая версия должна быть в приоритете? –

задал последний вопрос я, вытянув губы в трубочку.

– Думаю, нужно обратить внимание на людей, которых задерживал патруль в ту ночь. Обратить внимание на правомерность задержания, допросить содержащихся под стражей и уже отпущенных после разбирательства, – уверенно ответила старший следователь. – Спасибо, Виолетта Юрьевна, мне очень важно ваше мнение. Адрес электронной почты я уже сбросил, – вильнул хвостиком я.

– И вам... Андрей Васильевич... а вы, правда, не женаты?

– Врать не буду, Виолетта Юрьевна, о моём разводе два с половиной года назад весь Главк частушки сочинял.

Может быть, слышали? «Не ходите, девки, за Чапая! Он всегда на службе, а кровать пустая!» Всего хорошего. Мой статус – убеждённый холостяк.

Во время всего диалога мой личный состав молча пил кофе, хрустел сухариками и гордился сообразительностью своего шефа. Через десять минут все материалы предварительного следствия по делу об убийстве и покушении на убийство сотрудников ППС были на мониторах наших компьютеров. Я решил тут же выдать каждому «сеньке по шапке».

– Ну что, «чапаевцы»? Покажем господам белогвардейцам, как работает отряд имени героя революции? Начинаем прямо сейчас. Сбор в восемнадцать тридцать – здесь, потому как в девятнадцать у меня первый доклад. Слушать внимательно. Дроздов, ты занимаешься нападением на двух сержантов на озере у посёлка Чёрные Воды. Место преступле-

ния. Свидетели. Когда, где и кто обнаружил «пепсов»? Результаты вскрытия, если уже есть. Время и причина смерти Тищука. Состояние сержанта Иванченко? Прогнозы врачей? Характер телесных повреждений. Пошёл, Ваня, не задерживайся. Времени в обрез!

Дрозд было рванул со своего места, но потом остановился и с недоумением спросил:

– Ни фиги себе объёмчик... Командир, не успею! Это ж в три точки... А на чём, Васильич? Мне «дежурку» дадут?

– Шароев, колёса есть? Отлично! Светлана, ключи от своего «мини» отдай Ивану. Всё, Дрозд, я тебя не вижу, – махнул рукой в сторону двери я.

Подтягивая на ходу падающие с него форменные брюки, Дрозд выбежал в коридор. И пока он бежал, тараня собой кабинетных полицейских, мы ещё не раз слышали эхо голосов:

– Простите... виноват.

– Аккуратней, мужчина в погонах...

– Тю, чёрт... А кто это?

– Чапаевцы какие-то...

Видно, начав заряжаться от меня, Шароев с Лядовой, с нетерпением заёрзали на своих стульях в ожидании указаний, украдкой поглядывая друг на друга.

– Шароев, работаешь со Светланой. Вам выяснить все обстоятельства задержания и по возможности допросить всех задержанных «пенсами» в ту ночь. Я имею в виду в период с восемнадцати часов субботы до двух ночи воскресенья. Ко-

го, за что, как производилось задержание, куда кого повезли? Попробуйте дёрнуть дежуривших в это время в полицейских околотках. В каком состоянии привезли? Были ли жалобы? – набрасывал я вопросы своим сыщикам.

– Андрей Васильевич, а вы и правда верите, что жалобы задержанных кем-то фиксируются? – с удивлением задала вопрос Лядова.

– Я не верю, Света, но вдруг среди циников найдётся «правдоруб», – неуверенно заметил я, прекрасно понимая, что дежурные смены будут стоять «насмерть», но «пепсов» не сдадут.

– Шеф, а можно мы сначала ко мне домой подскочим, я переоденусь. А то как-то... – простионала Светлана, стягивая с шеи кроваво-красный шарфик.

– Ни в коем случае. Не слышу топота копыт, коллеги! Кстати, Евгений, а ты со следователем Корниенко сталкивался? – как бы между прочим поинтересовался я. И после его кивка головой задал наводящий вопрос:

– Ну и как?

На этот вопрос капитан Шароев обнял воздух руками и прочертил ими две полусферы.

– Так, Шароев... У меня два ответа на твою шараду. Снежная баба или жопа! – секунду подумав, предположил я.

– Так и есть, Васильич! – насупив брови, ответил Евгений, не уточняя.

– Так! Почему я вас ещё вижу? Магомедыч, в нашей кон-

ной дивизии пешком не ходят! – открыв перед сотрудниками дверь, гаркнул я, уже забыв, о чём спрашивал у Шароева.

Лядова улыбнулась, подтянула свою юбочку-карандаш выше коленок и первой выбежала в коридор. Шароеву это понравилось, и, стараясь не обгонять Светлану, кавказец бодро рванул на выход. Ну а я двинул в направлении нашей районной больницы. Там в травматологии лежал раненый старший экипажа изуродованных «пенсов» лейтенант Стариков. Судя по сегодняшней медицинской справке, Виктор Иванович находился при памяти. А его память ой как нам была нужна.

* * *

Честно говоря, травматологическое отделение в больнице – самое популярное среди сотрудников моей профессии. И людей, работающих там, мы уже воспринимаем не как «докторов айболитов», а как коллег. Взять хотя бы заведующего отделением Михаила Ивановича...

– Извините, а в какой палате можно найти Старикова Виктора? Он к вам в воскресенье поступил, – спросил я у дежурной медсестры, перекладывающей с места на место коробочки с таблетками.

– А чего его искать? – прогудело над головой. – Его уже и без тебя нашли. Здорово, Чапаев!

Передо мной стоял тот самый Михал Иваныч, через

огромные умные руки которого прошло несметное количество – черепных коробок, рёбер, ключиц, трубчатых и лучевых костей, коленных и локтевых суставов и прочих связок, хрящей, фаланг и позвонков. А также молоденьких интернов, медсестёр, санитарок и прочего симпатичного медицинского персонала. В мою холостую бытность мы иногда встречались с Михал Ивановичем и в неофициальной обстановке. О медицине, как правило, мы не говорили, но один важный медицинский факт я запомнил на всю жизнь. Оказывается, кости человека крепче бетона в четыре раза! А вы знали?

– Мне бы поговорить с потерпевшим, Михал Иванович, – здороваясь, объяснил я цель визита.

– Да пожалели б вы парня... Еле языком ворочает. Он у меня весь на растяжках, под капельницей четвёртый час лежит. Только по журчанию в утку понимаем, что живой, – пошутил доктор. – Вчера его, как конструктор лего, собирали. Я выходной был, так меня из цирка вытянули, еле внука успокоил. Кстати, хочу повторный рентген сделать. Одно место мне не нравится, – показав глазами на мой пах, сказал хирург-травматолог.

Стоящая рядом молоденькая прыщавая медсестра поправила очки и тоже с интересом посмотрела на мой пах.

– Ты ж мне сам говорил, что там костей нет, – понизив голос, спросил я эскулапа.

– Не о том думаешь, Ахметдзянова, – показав медсестре толстым пальцем на её место, сказал Миша. – Таз его мне не

нравится.

– Чем били, не анализировал?

– Это пускай ваши эксперты анализируют. Его не били, Андрей, его убивали, – мрачно ответил хирург, доставая из отворота шапочки сигарету. – Убивали грамотно, профессионально и не спеша. Давали возможность прочувствовать боль, не теряя сознания, так сказать. Не думаю, что это была толпа. Но... что-то или кто-то помешал закончить дело.

– Откуда такие выводы? – поинтересовался я, хотя не доверять опытному костоправу причин не было.

– А посуди сам. Была бы толпа, били бы беспорядочно, много, чем попало и кто куда попадёт. А тут ударов было несколько. Максимум четыре. И один очень травмоопасный бросок. Бросали спиной на угол плиты перекрытия или на какой-то строительный блок. Выверено, точно бросали. Отсюда компрессионный перелом позвоночника, травма таза и открытый перелом лучевой кости левой руки. А удары были в район сердца (отсюда трещины в рёбрах), в район печени и солнечного сплетения. Хотя... эти удары были так... чтобы клиент сначала помучился. Ну а «вишенка на торте» – точный и выверенный удар в район основания черепа. Именно этот удар должен был поставить жирную точку в конце молодой жизни этого качка.

– Какого качка? Ты о ком, Иваныч? – не понял я красно-речивого эскулапа.

– Как о ком? О Старикове я, если именно он тебя интере-

сует. Видно, что парень давно и профессионально занимается бодибилдингом. Мощный мужик, с довольно приличным мышечным корсетом. Вот он Старикова и спас, – уверенно ответил Михаил Иванович. – Ну, пошли, покажу тебе гибрид мышц и гипса. Только недолго, Васильич.

– Слушай, а били-то чем? Арматурой, битой...

– Не поверишь... Старикова убивал боец. Руками, ногами... – неожиданно объявил Михаил Иванович.

* * *

В небольшой палате стояли две кровати, оборудованные какими-то колёсиками, рычагами и тросиками, похожие на инквизиторские приспособления для пыток еретиков. На одной полусидя страдал подвешенный на противовесах и трубах, идущих от него и к нему, наш лейтенант Стариков. Рядом на соседней кровати сидел молодой пацан с загипсованной ногой от кончиков пальцев по самое не хочу и, мусоля во рту ручку, разгадывал кроссворд. Я, со свойственной мне врождённой учтивостью, попросил:

– Молодой человек, выйдите, пожалуйста, минут на десять в коридор, нам пообщаться нужно с товарищем. Костылики вам подать?

Даже не повернувшись к мужчине, стоящему в парадной полицейской форме, молодой человек недовольно прогундосил:

– С какой это стати? У нас сейчас тихий час, между прочим... Надо? Вывозите этого поломанного в коридор и ба-зарьте!

Вы когда-нибудь слышали звуковой сигнал литерного спаренного тепловоза, прущего тяжёлый километровой грузовой состав в двухкилометровом тоннеле? Так вот, это жалкое подобие того, что слышали мы из уст заведующего травматологическим отделением.

– А ну-ка вон пошёл, сучонок одноногий! – размахивая стетоскопом, как ремнём, заорал Михал Иваныч, неотвратимо двигаясь в сторону хамоватого юноши.

Пацан, вобрав голову в плечи, подпрыгивая на одной ноге, пулей вылетел из палаты, забыв про костыли.

– Не, ну ты представляешь? Главы районной администрации сынок. Ночью бухой на байке в автобусную остановку влетел. Двое пешеходов пострадали из-за мерзавца. Правда, глава – молодец. Наш человек. Пока мы этому шкету ногу собирали, ходил вокруг стола и орал: «Вы, б..., ему ногу отрежьте к херам, я разрешаю! И писюн к жопе пришейте мудаку!» Ладно, не буду мешать, – кивнул хирург и вышел из палаты.

Из-под простыни выглядывала только оголённая правая рука раненого. Физические кондиции парня действительно были выдающимися. Идеально проработанные мышцы бицепса и большой дельтовидной поражали своими размерами. Стали понятны слова Михал Иваныча о мышечном корсете.

Все эти прокачанные мышечные бугры, как живая кольчуга, защитили парня от смертоносных ударов. Стульев в палате не было. Пододвинув поближе к кровати лейтенанта тумбочку, я приземлился на неё и представился, нависнув над потерпевшим:

– Здравствуй, Стариков. Хотел спросить у тебя о здоровье, но вижу, что не очень. Я майор Чапаев. Занимаюсь расследованием по твоему делу. Говорить можешь?

– Не очень... корсет на шее... мешает. Затылок ломит... – ответил Стариков.

– Давай так. Я задаю несложные вопросы, ты отвечаешь «да» или «нет». В тренажёрном зале ты заметил что-нибудь подозрительное? Следил за тобой кто-нибудь?

– Нет...

– В душевой, раздевалке?

– Нет...

– За тобой шёл кто-нибудь после тренировки?

– Нет... хотя... нет, точно нет.

– Так, лейтенант, такими темпами мы с тобой до утра будем протокол писать. Знаешь, у меня есть опыт в подобных делах. У тебя же правая рука рабочая? – спросил я.

– Да, – односложно ответил потерпевший.

Я вложил ему в руку ручку, а сам зафиксировал чистый лист бумаги на своей папке. Было бы здорово, если бы этот поломанный лейтенант по примеру моего Федьки, написал своей рукой всё, что с ним произошло в тот злополучный

день. В палату заглянул Михаил Иванович, нервно нюхающий сигарету.

– Молчим, Иваныч. Молчим и пишем, – кивнув на больного, почти прошептал я.

Стариков, не скажу, что бегло и самозабвенно, но судя по эмоциям на лице, старался описывать события подробно. На его носу и подбородке от усердия даже выступило несколько капелек пота. Поощряя «писателя», я ненавязчиво и еле слышно повторял:

– Молодец, Стариков... Ты не спеши, главное, подробненько всё... ничего не забывай. Как ты на стройку-то попал, лейтенант? Сколько их было? Кто ударил первым? Куда? Может быть, что-то кричали? Имена, клички... В драке обычно эмоции мало поддаются контролю.

В результате нашего совместного сорокаминутного творчества свет увидел довольно подробный отчёт лейтенанта Старикова, включивший в себя описание его субботнего патрулирования в составе усиленного экипажа ППС и пошаговый хронометраж проведённого выходного дня до последней фразы: «А дальше я ничего не помню». Оставив лейтенанту свой номер мобильного (мало ли что вспомнит) и пожелав ему быстрее выздоравливать, я вышел в коридор. Рассказал ли я ему о том, что случилось с его напарниками? Нет, не рассказал и другим запретил. На то были у меня свои причины...

«Безногий» сын главы администрации резво скакал на од-

ной ноге вокруг угловатой медсестры Ахметдзяновой, пытаюсь помочь той рассортировать какие-то пузырьки. Девчонка громко хихикала, прикрывая ладошкой брекеты на зубах, опасливо поглядывая в сторону ординаторской. Два раза спросив дежурную: «А где Михал Иванович?» и не услышав ответа, я махнул рукой и побежал на выход.

* * *

Старший смены службы безопасности, дежуривший в фитнес-центре в выходные, уже ждал меня на своём рабочем месте. Показав фотографию Старикова, я попросил его найти на записях камер наблюдения все моменты, где он «засветился», включая наружную фиксацию. Всё-таки приятно иметь дело с адекватными бывшими коллегами. В течение двадцати минут он нашёл семь эпизодов, где бодибилдер Стариков самозабвенно наращивал мышечную массу, самолюбленно наблюдая за собой в огромные зеркала. Последним было «кино» с его участием уже на улице, там, где он вышел из двери тренажёрного зала и начал движение вдоль фасада здания, пока не скрылся за поворотом.

– Записать на диск? – задал вопрос оператор.

– Да, конечно, – кивнул я, на «шару» наливая себе вторую чашку кофе.

– Диск есть?

– Шутить?

– Подарок заведения, – улыбнулся бывший коллега, доставая из ящика компьютерного стола новенький компакт-диск, – ничего не меняется в ментовке.

* * *

После тренажёрного зала я прошёлся пешком по маршруту Старикова до забора стройки. Стройкой это трудно было назвать. Что-то (и, видно, давно) развалили, но вот складывать в правильном порядке кирпичи пока не начали, хотя стройматериалы уже завезли. Стройку охраняли... Ну, как охраняли? Сторожа бухали целый день у себя в вагончике или сплавляли по-тихому цемент и экспроприировали кирпич незначительными партиями. В воскресенье на встречу с клиентом к пролому в заборе выдвинулся сторож Джафаров. Шёл он не молча, а жизнерадостно напевая таджикскую народную песню о чём-то там бескрайнем и необъятном... Это и спугнуло садиству-ющих бандитов.

– Здесь ты его нашёл? – спросил я сторожа, пытаясь заглянуть в его амбразур ки глаз.

– Здесь... точно здесь, – кивал круглым лицом Джафаров.

– А кровь? Я не вижу крови нигде, Джафаров! – осматривая грунт, битый кирпич и осколки строительных блоков, удивлялся я. – Человека поломали, а крови нет. Может быть, не здесь всё было?

– Здесь, начальник. Много менты приезжал, смотрел. Зд-

есь бедный лежал. Я боялся, что умер... А кров весь в нём остался! – убеждённо объяснял сторож законсервированного объекта, стараясь не дышать в мою сторону.

В отчётах оперативной группы, выезжавшей на место преступления, действительно значилось, что в воскресенье, в двенадцать десять по московскому времени, на станцию «Скорой помощи» поступил звонок от гражданина Джафарова о том, что он на своём объекте обнаружил труп мужчины. Выслали «труповоз» и позвонили в полицию. При погрузке тела в катафалк последнее зашевелилось, приведя слегка нетрезвых сотрудников ритуальных услуг в замешательство. Пришлось повторно вызывать «скорую». Хорошо ещё, что на месте был вменяемый судмедэксперт, который и оказал травмированному необходимую первую помощь.

* * *

Дроздов пробился к подмосковному посёлку Чёрные Воды через московские пробки ближе к концу рабочего дня. Наверное, из-за этого самого «конца» настроение у участкового инспектора, старшего лейтенанта Иванцова С. М., стремительно приближалось к нулю. Начальник позвонил и сказал, чтобы сидел на своём рабочем месте и не рыпался. Едет шишка из Управления по поводу смертоубийства на этом чёртовом озере. Которое и озером назвать было стыдно. Так... болото, наполовину поросшее камышом, кишащее

комарами-людоедами. Да и приличной рыбы там отродясь не было. Зимой эта лужа промерзала до дна, а летом в её чёрной жиже только тритоны да ужи барахтались. А, ну ещё местные алкаши – Петрович с Барковым – туда ходили самогонку пить с удочками. Ритуал у них такой был после выхода на пенсию.

Участок милиции находился в торце одноэтажного здания поселкового правления с окнами на площадь. Вот на неё практически бесшумно и выкатился автомобиль – чудо британского автопрома – «Mini cooper» Светланы Лядовой, за рулём которого сидел старший лейтенант Дроздов. «Ни хрена, какие полицаи в столице модные!» – подумал Иванцов, нахлобучивая на голову пыльную фуражку.

– Иванцов? – выходя из машины, спросил Дроздов, глядя на местного участкового поверх зеркальных очков.

– Так точно, – отдал честь сотруднику Управления участковый, роняя из-под мышки папку, которую он взял с собой для солидности.

Порыв ветра раскрыл упавшую папку, но из неё ничего не посыпалось и не разлетелось. Потому как пустая была.

– Поехали на место, – усмехнулся Дроздов. – По дороге всё расскажешь. А эти где? Свидетели твои?

– Так а я их на место преступления отправил. Как только позвонили, я их и отправил. Сидят, комаров кормят. На вашей поезде или на моей? – кивнув головой в сторону перекосившейся «буханки», спросил Иванцов.

– Садись, – закрывая дверь, ответил Дрозд и, дождавшись, когда участковый, восторженно озираясь по сторонам, деликатно усядется на сидение рядом, тронулся в путь.

Он знал куда ехать. Вернее, это знал GPS-навигатор, заботливо установленный английским пролетариатом в салон их отечественного автомобиля.

– Ваша? – осторожно погладив глянцевого пластик панели одним пальцем, спросил Иванцов.

– Служебная, – зачем-то соврал Дроздов. – Ну, рассказывай.

– Так а что рассказывать? Я ж писал... Петрович и Барков в тот вечер принимали алкоголь на берегу озера. Разожгли костёр, разложились, как говорится, ну и побухивали себе мирненько под стариковские разговоры. А на другом берегу сидели ещё двое. Ну и тоже чокались кружками под костерок. Но те двое были приезжими, так как рядом с ними машина стояла. «Рено Логан», – заглянув в свои бумаги, прочитал Иванцов.

Нужно было успеть до наступления темноты, и Дроздов нещадно жал на педаль акселератора, подпрыгивающего на ухабах, нежного городского автомобильчика. Недалеко от колеи просёлочной дороги, огибавшей озеро, они увидели две мужские фигуры, одетые в старую вылинявшую камуфляжную форму, чёрную на коленях, заднице и локтях.

– Здорово, мужики. Это вы здесь в тот вечер отдыхали? – спросил Иван, выходя из машины. – Показывайте.

– Нет. Здесь пацаны друг дружку поубивали, а мы вон там сидели, – махнул на другую сторону озера один из мужиков.

– Как не здесь? Мне нужно место, где вы сапоги пили, мужики.

– Короче, Петрович, залазьте в машину, на вашу точку поедem, – по-хозяйски скомандовал участковый.

Ване ничего не оставалось делать, как открыть задние двери «купера» и запустить в салон новых пассажиров. Петрович и Бурков, шоркая пыльными ботинками, кряхтя и цокая от удивления и восторга языками, втиснулись на заднее кожаное сидение. Ехали недолго. Озеро было густо поросшее камышом, и само зеркало воды еле просматривалось. Выйдя из машины, Иван оценил, видно, давно обустроенный лагерь. Небольшой деревянный столик, вмурованный в землю, и две такие же лавочки. Недалеко чернело потухшее кострище с двумя рогульками, торчащими из земли.

– А ничего так, – улыбнулся Иван, – симпатично. Значит, вот тут вы вчера и сидели? А те где? Покажи направление...

– Так... а прямо напротив нас. Вон просвет в камышах видишь? – ткнул корявым пальцем на ту сторону неширокого озера Петрович.

– И что? Что происходило-то? – нетерпеливо переспросил Дроздов.

– Да сколько можно, Матвейч? Тебе рассказывали, из области ментам рассказывали два раза... – начал сердчать второй пенсионер, закуривая.

– А вот сколько надо, Бурков, столько и будешь рассказывать, – грозно насупился Иванцов. – Это тебе не самогонку хлестать, тут дело серьёзное. Убийство, понимаешь?

Дроздов сел на одну из лавочек, а на другую, напротив себя, усадил поселковых пенсионеров. Потом достал чистый лист бумаги и нарисовал на нём овал, по конфигурации похожий на озеро. На одном берегу нарисовал стол с лавочками и две человеческие фигурки. На другом тоже две фигурки, но рядом с ними машину. Поставил время – 19–00.

– Так было, правильно? – спросил у дедов Иван.

– Так, – сказали в унисон «рыбаки», кивнув седыми головами. – У нас с собой приёмник был. Как раз в семь часов про спорт начали говорить.

– А крики на том берегу вы слышали примерно минут через двадцать пять. А потом у них всё стихло, и костёр погас. Так? – продолжал допрашивать Дроздов, читая копии допросов.

– Так, – качнулись вперёд мужики.

– Друзья, а вот в этот промежуток времени – с девятнадцати до девятнадцати двадцати пяти что-нибудь было? Ничего не видели, не слышали? – допытывался Иван.

– Нет. Всё было, как написано, – ответил Петрович.

– Раньше было, – как-то не очень уверенно ответил Бурков.

– Не понял... что раньше было, дед? – встрепнулся Дроздов.

– Подожди, Бурков. Ты мне раньше говорил... – начал нервничать участковый Иванцов.

– Да подожди ты! – прикрикнул на Иванцова Иван. – Что раньше было, Бурков? Рассказывай, дорогой!

– Где-то минут за пять до сигнала точного времени слышу звук какой-то от дороги. Смотрю: мотоцикл остановился, а на нём двое. Один слез и к нам, значит, идёт...

– Когда это? А почему я не помню? Ты чего мелешь, Бурков? – толкнул товарища в бок Петрович.

– Да ты, баран, в это время в камыши отлить пошёл. Хотел прямо здесь, а я тебя, значит, послал... – возмутился Бурков. – Мы тут культурно отдыхаем, а ему, видишь ли, приспичило.

– Сам ты баран, Бурков! – обиделся Петрович на друга.

– Заткнулись, ветераны самогонных войск! Что дальше было, Бурков? Не перебивать мне свидетеля! – грохнул кулачищем по столу Дроздов.

– А что дальше? Этот мужик, не доходя метров пятнадцать до меня, забрало своё на каске поднял и крикнул... фамилия такая короткая... хохлятская вроде, – задумался Бурков, хлопая себя по лбу костлявой ладонью.

– Вспоминай! Вспоминай, папаша! Пузырь поставлю... – подняв руки к небу, запричитал старший лейтенант Дроздов.

– Вспомнил! – долбанул себя по коленке кулаком Бурков. – Кричит: «Тищук, это ты?» А я ему и отвечаю: «Нет, сынок, нету тут таких. Тут только мы с Петровичем». Вот и

всё. Ну, он как бы рукой махнул, развернулся и к мотоциклу пошёл. А тот, который сзади сидел, показал ему на костёр напротив – через озеро, значит. Они и поехали в ту сторону. А тут и ты, Петрович, подошёл и говоришь, что комары зае... и надо удочки сматывать.

– А вот это помню, – мотнул головой Петрович, – точно комары зае...

– Так, коллеги. Перебираемся на место преступления, – довольно потёр руки Дрозд.

– Слышь, паря, а насчёт пузырьрика дядю не обманешь? – прищутив глаз, поинтересовался Бурков.

– Да чтоб я сдох, папаша, – улыбнулся Ванька, – грузимся!

* * *

Нужно было торопиться. Сумерки осенью наступают незаметно, но стремительно. Приехав на место преступления, Иван отошёл от «группы поддержки», связался со мной и коротко доложил:

– Васильич, к назначенному времени не успею. Обстановка такая. К нашим потерпевшим «пепсам» приезжали двое на мотоцикле. Свидетель имеется. Эта инфа в протоколы первичного осмотра и допросов не вошла. Думаю, они их и сработали. Показания привезу завтра с утра.

– Добро, Иван, тогда не спеши. Понюхай там всё аккуратно. Что там на месте? Жду тебя завтра, – ответил я.

– На месте – голяк. Следов – как в селе Какашкино на водопое. Сначала свидетели прибежали, потом катафалк с участковым приехали, за ними – скорая помощь с бригадой из районного отделения, потом наши... И так всю ночь! А комарья тут, Васильич... А когда кровососы жрут, на месте не стоят. Вот и натоптано... – сокрушался Иван, отмахиваясь от роя moskitov.

– Ладно. Бумаги все оформи, как надо, чтобы лишний раз туда не ездить, – уточнил я напоследок.

– Андрей... ты это... Светлану сам домой подбрось, пожалуйста. Чтоб не Шароев... Он, по-моему, ей глазки строит. А я завтра в восемь ноль-ноль как штык у её подъезда, – путаясь, объяснился Дрозд.

– Балда, у Шароева жена и сын в первый класс пошёл, – засмеялся я.

* * *

Место второй стоянки не было так по-хозяйски обустроено. Просто кострище с недогоревшим сушняком, несколько дырок в сырой земле от колышков палатки, опрокинутая упаковка с макаронами, разорванная пачка крупной соли, разбросанная картошка... Бутылок видно не было ни пустых, ни полных. Надо полагать, эксперты к себе в норку уволокли. Примятый камыш, земля истоптана десятком разных подошв. Иван достал из папки ещё один чистый лист бумаги

и схематично набросал план стоянки потерпевших.

– Мужики, не буду лишний раз руки выкручивать, но хотелось бы от вас ещё раз услышать ответы, на теперь уже мои вопросы. Как долго продолжалось это ледовое побоище? – спросил Иван, поглядывая на пенсионеров.

– Да чёрт их... – пожал плечами Петрович.

– А недолго. Минуты две... Мы как раз по последней... – кивнув головой, уточнил Бурков.

– Хрен там... по предпоследней. Сначала крик, потом сразу костёр погас. Вернее, на него один из парней упал, – подойдя к кострищу, жестикулировал руками Петрович. – Мы ж его из костра и вытащили.

– Потом камыши зашумели и что-то в воду упало. Это второй, значит... но вылез как-то. Оба на берегу лежали, когда мы сюда пришли. Петрович правду сказал, одного мы из костра вытащили, у него уже живот шкварчал... и запах... А второй вот здесь лежал, – показал место Бурков.

– Да, второй здесь лежал на спине. Но ноги в воде были. И кашлял так... кровью... На меня смотрит и шепчет что-то... А потом затих, – вспомнив, тяжело вздохнул Петрович.

– А, что шепнул-то, Петрович? Вспоминай... – сквозь зубы процедил Дрозд, понимая, как это важно.

– Да не понял я толком, сынок... и со слухом у меня... Что-то такое... два раза повторил: «Забра... бра...» А потом отключился, – виновато заморгал глазами старик.

Пометив что-то на своём плане, Дроздов задал последний

вопрос:

– А что, отцы, рыба-то тут ловится?

– Да какое там! Одни тритоны да гадюки, – ответил за всех участковый Иванцов, направляясь в сторону машины.

– Нет, ну, карасик-то маленький есть, – поправил Иванцова Петрович.

– И не гадюки это вовсе, а ужи, – уточнил Бурков.

– Ясно, – делая ещё одну пометку, отозвался Дрозд. – В участок едем бумаги оформлять.

– Я покажу, как через «Продмаг» проехать. Сынок, ты обещался, – улыбнулся прокуренными усами Бурков.

* * *

У Шароева и Лядовой было самое скрупулёзное задание. Нужно было разобраться и понять, имели ли отношение к совершённым преступлениям профессиональные действия экипажа ППС в их последнее дежурство? Имеется ли между ними какая-то связь или это цепь роковых случайностей? Одного члена экипажа находят изувеченного на «замороженной» стройке, а двух других – в шестидесяти километрах от МКАДа. И всё это в течение одних суток.

Согласно рапорту старшего группы, лейтенанта Старикова, в тот день за время смены экипажем ППС было задержано четыре человека за два правонарушения.

Первыми были задержаны двое молодых людей (мужчи-

на и женщина) в нетрезвом состоянии. Оба подрались с таксистом, не желая платить тому по счётчику. Избив водилу такси «Яндекс», оба скрылись на территории парка. Но были найдены вызванным экипажем ППС и задержаны по приметам, которые передал полицейским избитый таксист. Задержание произошло в двадцать один час, тридцать минут. Во время задержания оба правонарушителя (оказавшиеся семейной парой) оказали активное сопротивление патрульным. Экипаж был вынужден применить спецсредства. Во время обыска у мужчины был найден пакет с травой (предположительно каннабисом). Свидетели имеются. Заявление таксиста о нанесении ему побоев агрессивными пассажирами имеется. Вынесено постановление о временном задержании на сорок восемь часов обоих.

Вторыми были задержаны два человека, перелезшие через забор детского сада № 1236 и распивающие спиртные напитки на территории детской площадки. Согласно объяснению сторожа дошкольного заведения, на его замечания хулиганы ответили матом и угрозами. Задержание произошло в ноль часов тридцать минут. Спецсредства к задержанным не применялись. В настоящее время против них возбуждено дело об административной ответственности. Оба правонарушителя после опроса отпущены на следующий день под подписку.

Пробовали узнать в дежурной части, что означает: «Предотвращено три правонарушения»? На это дежурный

капитан улыбнулся, посмотрел по сторонам и сказал Лядовой:

– Ты что, красота моя? Первый раз замужем? Так все пишут.

Потом долго не хотели давать данные по другим экипажам, дежурившим в этом районе в это же время, ссылаясь на непонятный статус дамочки в парадной форме полиции и сопровождающего её «чеченца». И только после моего телефонного вмешательства выяснили, что у других экипажей «улов» был побогаче. На вопрос «почему» дежурный показал запись в журнале. А в журнале было написано, что старший патруля лейтенант Стариков доложил о выходе из строя двигателя патрульной машины. И в период с двадцати одного тридцати до двадцати трёх часов производился ремонт карбюратора УАЗа силами экипажа. Задержанные всё это время находились в отсеке для перевозки.

Провели опрос задержанной семейной пары Семёновых Натальи и Дмитрия. Молодёжи было лет по двадцать, не больше. Супруги нервничали, злились и не совсем понимали, что с ними произошло.

– Из-за чего возник конфликт с таксистом?

– Оборзел чурка! Сначала договорились за триста, а когда приехали на место, запросил пятихатку. Думает, если бухие, то ничего не помним, что ли? – раздражённо ответил Дмитрий.

– А Димка ему и говорит: типа, раз так, вообще ни х... не

получишь, х... ло! – тут же с полуоборота завелась его жена Наталья.

– Тогда он Наташку за руку схватил...

– Больно, сука...

– Ну, я ему пару раз по его плоской морде двинул, и мы в парк пошли. Наташка в туалет захотела...

– А тут менты ваши... налетели, – плаксивым голосом пожаловалась Наташка, – и давай Димку дубасить ни за что ни про что! За что? Где написано, что бухать нельзя? Водяру продают – значит, можно!

– На асфальт нас положили и давай обыскивать. А сержант, который Натаху обыскивал, ржёт и другому говорит: «Ничего так бабеч, иди теперь ты её обыщи!» – с обидой крикнул Дмитрий.

– Ага, он меня за жопу хватал, тварь! А Димка его ногой подцепил и кричит: «Не трогай, она моя жена!» А тот как врежет Димке по спине своей палкой и отвечает: «Была твоя – стала общая, придурок».

– Если бы не их лейтенантик, здоровый такой, они бы вообще забили меня своими палками. А потом один из сержантов достаёт у меня из кармана пакетик какой-то и кричит: «Макс, тащи понятых! Чудак упакованный!» Это уже по дороге сюда, когда отрезвел немного, я понял, что они мне пакет с травой подсунули, – зло глядя на Лядову, рассказывал Семёнов, осторожно ощупывая свои рёбра.

– Мы не наркоманы! Пусть нам анализы делают! Вот!

Смотрите на мои вены... И ничего мы не подписывали! – истерично крикнула куда-то вверх Семёнова Наталья.

– Я поняла вас, – выключая диктофон, ответила Лядова.

А Шароев, понизив голос, посоветовал:

– Ничего не подписывайте. Пусть сообщат родственникам и наймите хорошего адвоката.

– И побои снимите... – тихо добавила Лядова, кивнув Шароеву.

* * *

Я вышел из лифта и посмотрел на свои часы. Уже час как был вторник. Подошёл к двери своей квартиры и услышал за спиной лёгкий шорох. Видно, соседке напротив, Фире Самойловне, тоже не спалось. Повернувшись лицом к её двери, вернее, к глазку на её двери, я, как воспитанный человек, поклонился и послал воздушный поцелуй. За соседской дверью, ближе к выходу, жалобно скрипнули дощечки паркета. Я догадался, это Фира Самойловна сделала глубокий реверанс в мою сторону.

Решил свет в прихожей не включать, а, сняв туфли, прокрасться в ванную. Но свет зажёгся и без моего участия. В дверном проёме спальни стояли два кудрявых ангела в длинных ночных рубашках ослепительно белого цвета. Один такой небольшой ангел с длинными пушистыми ресничками и чуть смазанной губной помадой на лице. А второй... а вто-

рой совсем-совсем маленький. Они стояли с полуприкрытыми глазами, взявшись за руки и слегка покачиваясь.

– Марш мыть руки и на кухню, – чуть слышно сказал ангел повыше.

– Ксюшенька, я пирожки на работе... – прошептал я, робко сделав шаг в сторону ванной.

– Без разговоров... мне, – прижавшись к маме, пискнула Женька.

Я, как байдарочник веслом, работал ложкой, доедая молочную кашу. Потому как понимал, что своим ночным ужином отнимаю сон у моих девчонок, за компанию сидящих рядом со мной с закрытыми глазками.

– Ещё? – спросила Ксюша, услышав звук ложки, царапнувшей дно.

– Спасибо, милая, наелся, – переведя дух, ответил я.

– А за маму? – сонно спросила Женька.

– Всё уже. И за маму, и за Женю... Спать, девочки! – целуя обеих, предложил я.

– Тогда я с вами, – открыв вдруг глаза, решительно заявила Женька.

– Пусть... всё равно не отстанет, – безвольно сообщила Ксюша и, как зомби, пошла в сторону спальни.

– Не отстанешь? – на всякий случай спросил я у Женьки.

– Не-а... – покачал головой ребёнок с закрытыми глазами.

Тогда папа Андрюша взял дочку Женечку на ручки и потащил её в спальню. А там он положил её слева от мамы,

так как ночью Женька дрыгала ногами и забрасывала их куда попало, а папе нужно было выспаться. Вот так и закончился первый рабочий день майора Чапаева на новом месте. Было нескучно, я вам доложу!

* * *

А ночью мне сон приснился. Цветной. Будто стою я такой, лентами пулемётными перемотанный, на капоте своего «паджера». На голове папаха с красной полосой, а в руке маузер. А у въездных ворот в Управление МВД стоит перепуганный дежурный прапорщик. А я ему говорю со всей пролетарской ненавистью:

– Прощайся с жизнью, прапор, морда твоя белогвардейская!

А прапор стоит, фуражку в руках ломает и хнычет:

– Да проезжай ты уже, майор. Пропуск на тебя уже выписали!

Три дня – это много

Как не старался, но первым в Управление приехать не удалось. Под раскидистым деревом уже стояли «мини» Лядовой и «нисан» Шароева. На этот раз ворота для моего «барсика» были широко открыты, и дежуривший на КПП младший лейтенант, взглянув на лобовое стекло, кивнул головой и отдал честь. А всё потому, что в нижней правой части стекла был приклеен магический белый квадратик с двуглавым орлом и какими-то буквами. Пропуск называется.

Мой личный состав был на месте. Правда, не на своих рабочих местах, а почему-то у меня в кабинете. Они дружно приколачивали портрет комдива В. И. Чапаева, а также остальную революционную атрибутику на стену чуть выше моего сейфа.

– Я не понял. А почему именно сюда? – спросил Шароев, отойдя на два шага назад.

– На сейф будет удобно ритуальные подношения ставить во время праздников, – по-деловому объяснил старший лейтенант Дроздов.

– Василийч Василию Ивановичу на Первое мая, Седьмое ноября и в день рождения Ильича каждый раз стопочку наливал, – с пониманием добавила Лядова, поправляя только что прибитую к стенке деревянную кобуру «маузера».

– В смысле Брежнева? – серьёзно спросил Магомедович.

– Ленина... в смысле, – наморщив носик и, сделав небольшую паузу, поправила собеседника Лядова. – Чему вас в школе учили, капитан?

– Ах, оставьте, лейтенант...

* * *

И получалось, что за моей спиной, как бы оценивая результаты проделанного за время своего правления, гордился собой президент России в красивой рамочке. А передо мной, как бы заглядывая мне в глаза, а заодно и в будущее, топорщил усы герой Гражданской войны прошлого столетия под стеклом в рамочке попроще.

И один как бы спрашивал у другого:

– Василий Иванович, а ты за «единоросов» али за ЛДПР?

А второй как бы отвечал:

– Я, Володька, за то, чтобы коммуналку снизили, а пенсию повысили!

* * *

– А эту куда? – вытаскивая из целлофанового пакета плакат страшной краснорожей бабы с толстым пальцем у нижней губы, спросил Дроздов.

– А её-то ты зачем приволок? – возмущённо спросила Ля-

дова.

– Ну, как... я к ней привык. Я, может быть, всегда её ассоциировал со своей будущей тещей, – нахально улыбнулся Ванька, пытаясь где-нибудь пристроить «тётеньку».

– Вот над своим столом и пристраивай. И вообще, шеф, я больше этому паразиту свою машину давать не буду. Прав был Чегевара. Дроздов, ты варвар. Ты что, в моём «купере» навоз целый день возил? Хожу теперь, нюхаю себя и сама себя ненавижу! – демонстративно нюхая рукав своей блузки, заявила Лядова. – И крыша... Дроздов, ты крышу видел? В говне каком-то...

– Это были свидетели деревенские и участковый местный. Я виноват, что они луком закусывают? И не говно это... Ласточки, синички, мышки всякие летучие... Я ж на природе был, Свет... Подумаешь... – начал было оправдываться Дрозд.

– Короче, личный состав! – прикрикнул я. – Всё, что добыли непосильным трудом, сюда. Мне через двадцать минут картуз ломать перед начальством. Первым выступаю я. Лядова, наливай!

Не понял последней команды один только Шароев. Но понял и улыбнулся, когда Светлана спросила у него:

– Жень, тебе сколько сахара?

– Итак! Лейтенант Стариков. Бодибилдер в свободное время. Вес под центнер, рост метр восемьдесят пять. Покушение на убийство. Человека действительно пытались убить.

Голыми руками. Повторяю, голыми руками. Это что должен быть за монстр, если его не смутил вид этого «геракла»? Вот, что пишет сам Стариков:

«Объяснительная.

Я, лейтенант Стариков Виктор Иванович, закончил тренировку и вышел из помещения фитнес-центра примерно в тринадцать часов пятнадцать минут. Домой шёл пешком, так как живу рядом. Проходя мимо ограждения стройки, я услышал женский крик. Женщина кричала: «Помогите! Полиция!» Я перелез через забор и побежал на голос. Через несколько шагов я почувствовал удар по ногам и упал. Дальше я ничего не помню, так как потерял сознание. Очнулся от боли, когда меня перекладывали на носилки «скорой помощи». Нападавших на меня не видел. Сожалею, что не смог помочь женщине. Дата. Подпись».

– А? Как вам? По-моему, герой. Бросился на помощь без оружия, в свой законный выходной... Он ведь не мог знать, кто и сколько их там было. Не побоялся, не стал набирать «девять один один», а сам полез... Только вот вопрос меня преследует... Это каким же нужно быть злым на этого огромного парня, чтобы за несколько секунд сделать из него котлету? Мне травматолог сказал, что если бы не его мышцы...

– Лядова, завтра со мной в зал и без возражений! – попытался пошутить Дроздов.

– Кстати, Лядова, ты с этим справишься лучше всех, – протягивая ей дискету, сказал я, – на ней запись всех эпизо-

дов, где мелькал наш качок. Зал и немного улицы. Посмотри своим голубым глазом. Дальше... Дроздов, прошу...

– За десять-пятнадцать минут до драки к свидетелям, двум местным пенсионерам, подъезжал мотоциклист с пассажиром. Мотоциклист крикнул: «Тищук, это ты?» – и, получив отрицательный ответ, поехал на другую сторону озера, – начал излагать Дроздов.

– Ага, значит, мотоциклист не знал, к кому обращается, – подал голос Шароев.

– Соображаешь, джигит. А уже скоро рыбацки слышали крики и увидели, как погас костёр. А костёр этот, между прочим, телом одного из сержантов и погасили. Это который в коме сейчас. Свидетели сознались, что не были бы они пьяными, ни за что не пошли бы смотреть, что там случилось. Но тут... выпили ещё по стаканчику, взяли в руки по рыбацкому ножу и пошли. Первое их впечатление было такое, что рыбаки подрались между собой и сами друг друга так изувечили. На том и порешила следственная бригада из района. Но коллеги не знали о мотоциклисте с напарником. А свидетель Бурков ничего о мотоцикле не сказал, потому что у него никто не спрашивал. Мне, кстати, удалось на смартфон и протектор от колёс байка сфотографировать. Дорога пыльная, след чёткий. Это в районе рыбацкой стоянки местных.

– Ну, что тебе сказать, Дрозд? Растёшь! Можно даже сказать, возвышаешься! – улыбаясь, я похлопал парня по плечу. – Ну и, что ты думаешь по этому поводу?

– И у меня, Васильич, вопрос возник. Оба «пепса» – парни молодые, физически подготовленные. На момент конфликта выпили полбутылки водки на двоих. Для них это так... размяться. А в воде, согласно протоколу, ещё два пузырька остывали. Должны были сопротивляться по-любому. Двое против двух – классика! Но всё как-то уж больно стремительно произошло... И ни выстрелов, ни колото-резаных... Да, перед тем как отключиться, Тищук сказал свидетелю что-то типа – «бра... забра». Надо бы подумать над этим. На месте преступления следов от колёс спортивного байка не видел. Видимо, близко не подъезжали. Будем искать. У меня всё, – довольный сам собой, закончил доклад Дрозд.

– Понял тебя. Шароев, к барьеру, – кивнул я Евгению Магомедовичу.

– У нас с лейтенантом Лядовой осталось три основных вопроса, на которые мы не получили ответов. Первый – чем занимался экипаж ППС № 221 в период с шести вечера до половины десятого вечера? Создалось такое впечатление, что парни тупо загорали под стадионом. Второй вопрос – действительно ли у них сломалась машина и они продували карбюратор почти два часа? И третий вопрос, пожалуй, самый основной. Зачем они подкинули пьяной семейной паре пакетик с коноплёй? Судя по протоколу изъятия, там было немного, но на административку тянет.

– Ого! Ты думаешь, взяли вот так и подкинули? – засомневался я.

– Именно, Андрей Васильевич! Эти Семёновы, безусловно, хамовитые молодые придурки. Но не наркоманы. Оба работают. Он на автосервисе, она продавцом в маркете. Но там не те доходы, чтобы баловать себя марихуаной, – подтвердила слова напарника Лядова. – Так, бухнуть в недорогом баре и потусоваться со сверстниками незадорого.

– Значит, «пенсам» нужно было сбросить эту дурь, но так, чтобы, во-первых, «палку» заработать. Во-вторых, подозрение от чего-то, чего мы пока не знаем, отвести... – начал загибать пальцы я.

– И как-то провал по времени оправдать. Искали, ловили, оказали сопротивление, задерживали, нашли наркоту, оформляли с понятыми, – продолжил загибать пальцы, но уже свои, Шароев, – но всё равно на почти пять часов не тянет.

– Васильич, время! – вдруг закричала Лядова, тыкая пальцем в циферблат настенных часов.

А там минутная стрелка неумолимо приближалась к цифре двенадцать, а часовая к девяти утра.

* * *

– Здравия желаю, товарищ полковник. Майор Чапаев. Разрешите доложить?

– Если есть что, докладывай. Если просто хочешь время потянуть, то не занимай моё время, – мрачным голосом от-

ветил полковник Воронин, тяжело дыша в трубку.

– Докладываю, – ответил я, хотя, конечно, обидно было слышать в свой адрес подобное. – У нас есть дополнительные свидетельские показания и улики по данному делу, товарищ полковник.

Ну, а дальше я в краткой форме довёл до его сведения всё, что нам удалось раскопать за вчерашний вечер и практически ночь. Реакция была неожиданной.

– А сколько у тебя людей, Чапаев? – с сомнением в голосе спросил Воронин.

– Со мной четверо, товарищ полковник, – ответил я.

– И что, ты мне хочешь сказать, что за вчерашний вечер ты успел столько информации новой накопать, Чапаев?

– Ещё ночь...

– Что ночь? Не понял... – переспросил Воронин.

– Ещё ночь была, товарищ полковник. Работали, – как мог спокойно ответил я.

Возникла пауза, во время которой поднятые вверх три больших пальца рук моего личного состава подтвердили, что их начальник... на то и начальник.

– Днём можешь не звонить. От меня что-нибудь нужно?

– Нам бы транспортом разжиться, товарищ полковник.

– А губа не треснет? У начальника АХО возьмёшь талоны на бензин, я распоряжусь. До вечера, Чапаев, – уже более покладистым голосом попрощался начальник криминальной полиции Управления.

– Ни хрена не треснет, товарищ полковник! – резко ответил я начальнику уже в выключенный телефон. – Так, бойцы, хочется, чтобы сегодняшний день у нас с вами был определяющим. А посему напрягите извилины. Первый свою напрягает... Дроздов. Иван, едешь сегодня в морг и знакомишься с бранным телом Иванченко Валерия Даниловича. Медицинское заключение у меня есть, но я хочу, чтобы ты сам посмотрел. Интересует характер нанесённых травм и их совместимость с жизнью.

– Так, Васильич, а как... – хотел уточнить Иван.

– А вот как специалист по их нанесению и определись...

– Я понял, Васильич, – кивнул Дрозд, вставая с кресла.

– Ещё не всё. Полистай медицинские сводки по «скорой помощи» или самостоятельного обращения граждан в медицинские учреждения, находящиеся в районе Ледового дворца. Интересует время с вечера субботы по ночь воскресенья. И это ещё не всё, Ваня. Взгляни-ка на нашего младшего сержанта Тищука, пребывающего в коме. Вопросы те же: характер травм. Ты у нас по травмам, Дрозд, специалист, думаю, разберёшься. А это – чтобы быстрее всё получалось. Только бомжей не вози, у меня ребёнок маленький, – насмешливо сказал я, бросая Дроздову ключи от своей машины.

После того как за Дроздом захлопнулась дверь, я обратился к Лядовой:

– А у вас, барышня, сегодня – домашняя работа. Сидишь на общей связи и работаешь с видеозаписями из фитнес-цен-

тра. Всё-таки не покидает меня предчувствие, что начало нашего клубочка именно здесь. Так что попробуй подцепить ниточку, Лядова, а там и весь клубочек разматываем.

– Шеф, тогда машину мою возьмите, – протянув мне ключи, улыбнулась Светлана.

– Спасибо, но откажусь. Мне тут недалеко, да и запах лосьона после бритья у меня резковат. Боюсь, салон твоей машинки мужским духом пропахнет, – подмигнул я Шарову.

– Андрей Вас... – надула губки Лядова.

– Шароев! Ты, Евгений Магомедович, заканчиваешь сегодня то, что вчера вы с Лядовой не успели. Обязательно опроси этих пьяниц, которых утром отпустили. Ну и потрись возле «пепсов». Попробуй узнать о людях экипажа № 221 чуть больше, чем мы о них знаем. Что за народ? Откуда у нас? Чем дышали? Понимаю, что много не узнаешь, своих тебе не сдадут, но...

– Я понял, Андрей. Во сколько сбор?

– А ты Светлану Ивановну в курсе держи своих перемещений, она тебе и подскажет. Меня в больницу подбрось, – ответил я, – хочу качка нашего проведать. Прокачать, так сказать, ещё раз.

Уже на выходе меня поймал звонок старшего следователя по особо важным делам подполковника юстиции Корниенко.

– Здравствуйте, Виолетта Юрьевна. Прямо сейчас отправляю вам объяснительную лейтенанта Старикова.

– Здравствуйте. В записи, что ли? Так он же не разговаривает, – удивлённым голосом спросила следачка. – Я вчера у него была. Весь в бинтах. Красивый такой. Лежит, как мумия египетская, мычит чего-то.

– Виолетта Юрьевна, объяснительная собственноручно им написанная. У него правая рука не повреждена, приладились, в общем. Особое внимание уделяем рекомендованным вами версиям. Я, думаю, мы идём в правильном направлении. Конечно, под вашим руководством.

– Это понятно, Андрей Васильевич, результаты есть? – с надеждой спросила подполковник юстиции.

– Ожидаем и надеемся, Виолетта Юрьевна. Вы извините, у меня сейчас очень важное следственное мероприятие. До связи вечером, – выдохнул я, отключая телефон. – Совсем про неё забыл, а нельзя. Учись, Лядова. Хочешь, чтобы тебе не мешал и не дёргал по всякой мелочи следователь, ласкай его слух обещаниями. Причём пол следователя значения не имеет. Евгений, по коням!

* * *

Ваня Дроздов был довольно искушённым специалистом в области рукопашного боя. Поэтому, когда патологоанатом «выкатил» ему тело погибшего от побоев сержанта Иванченко, старший лейтенант без труда смог определить, какой из ударов был смертельным. Дрозд понял, что парня явно «от-

работал» посвящённый человек. Возникал один вопрос: если убийца пришёл целенаправленно убивать, то достаточно было сделать два-три выверенных удара. Тогда зачем ломать и истязать другие участки тела? Не жизненно важные... Половой орган, например. Сделав пометки в блокноте, Иван поехал в ожоговый центр. Именно там боролись за жизнь младшего сержанта Тищука.

В палату к находящемуся в коме сотруднику ППС не пустили. Но Иван имел возможность несколько минут понаблюдать за перебинтованным парнем. Роста он был выше среднего и телосложения крепкого. А вот оказать сопротивление нападавшему или нападавшим не смог. Хотя, согласно описанию места преступления, у кострища были найдены и топор, и большой кухонный нож. Лечащим врачом его был сравнительно молодой мужчина. И Иван, купив ему самый дорогой капучино из кофейного автомата, отвёл в сторону и спросил:

– Док, расскажи, пожалуйста, про твоего пациента. Это ж друг мой, почти родственник. Сестрёнка моя – его невеста. Но я ж добра сеструхе желаю. Как он?

– Ну, если честно... Твоей сеструхе нужно другого жениха искать. Тут всё очень печально. Тяжёлое сотрясение да плюс трещина в черепе... Ты же видишь, он, как кукла, весь перебинтован. Его же в костёр животом вниз бросили. Обширные ожоги третьей степени, а в районе верхней части таза вообще четвёртая... Даже если из комы выкарабкается...

овощ до конца дней. Это мнение нейрохирургов, – цинично махнул рукой доктор. – А о половых органах вообще говорить не хочу. Нет их у мужика. Понимаешь, родственник?

Уж на что Ваня Дроздов был мужиком в плане жалости непробиваемым, но тут и у него по позвоночнику холодный пот побежал. Парней убивали, но прежде их лишали мужского достоинства. А это уже давало повод думать о мотиве преступления. Иван срочно набрал меня:

– Васильич, ты у Старикова был уже?

– Нет, Шароев меня только высадил у больницы. Что хотел, Дрозд?

– Спроси у врачей, как обстоят дела с мочеполовой системой у пострадавшего?

– Зачем тебе? – думая, что это Ванькин подвох, спросил я.

– А затем, что у трупа по фамилии Иванченко и находящегося в коме Тищука половые органы практически отсутствуют, – почти проорал в трубку Дроздов. – Смекаешь, командир? Мстили им таким образом!

– Не ори, люди кругом! – огрызнулся я. – Понял тебя. Отбой.

* * *

Заведующего травматологией на работе не было, отсыпался после ночной экстренной операции. Но и без него меня здесь принимали как родного. Тут или я лежал, или кто-то

из-за меня лежал. Надев халат и бахилы, я торжественно вошёл в палату 208. Увидев меня, с кровати подскочил сынок главы района и, спросив: «Я выйду?», застучал по кафелю костылями.

– Здравствуй, Виктор. Ну что, бледность уходит. Факт. А сам-то как себя чувствуешь, лейтенант? – стараясь быть доброжелательным, спросил я.

– Не очень... пока, – односложно ответил Стариков.

– А я смотрю, ты не звонишь, дай, думаю, сам зайду, узнаю. Чего не звонишь-то, Вить? Мы ж договорились с тобой, что, как только ты вспоминаешь что-то, сразу мне звонишь. Время-то идёт.

– Не знаю... не помню... – тихо ответил лейтенант.

– Вить, я же тебя предупреждал, времени совсем мало осталось. А ты помогать не хочешь. А хочешь, я тебе помогу? – спросил я и достал из своей папки штук шесть-семь фотографий с места преступления.

На фотографиях с разных ракурсов были сняты тела изуродованных ребят из его экипажа на месте преступления у озера. Изображения были жёсткие. Крупный план, раны, кровь, неестественные позы... Реакция была предсказуема. Губы у Старикова задрожали, тело содрогнулось от сдавленного стога. Он закрыл лицо здоровой правой рукой и разрыдался.

– Вижу, что узнал, – спокойно сказал я. – Иванченко погиб, а Тищук в коме. Твой сержант уже никогда на ноги не

встанет, а ты сможешь, Вить. Обещаю. Я сейчас уйду, Витя, а когда ты успокоишься, всё мне, пожалуйста, напиши. Вот здесь. А когда напишешь, попроси Михаила Ивановича мне позвонить, и я приеду. Давай... будь мужиком.

На этот раз я хорошо подготовился. Достав из своей папки альбом для рисования с жёсткой обложкой (бессовестно украденный у Женьки) и ручку (с привязанной к ней верёвочкой), я положил всё это на грудь Старикову. Виктор убрал руку от лица, как-то тяжело посмотрел на меня и закрыл глаза. И я понял: напишет. Главное сейчас – не торопить события.

* * *

В дежурной части Управления капитан Шароев узнал номера экипажей ППС и фамилии патрульных, дежуривших на территории во время проведения концерта в Ледовом дворце. Кроме патруля, где старшим был лейтенант Стариков, в том районе несли службу ещё три экипажа. На вопрос дежурному: «А где их можно найти?», тот ответил просто:

– В душе или раздевалке. Они только «сдались».

Раздевшись до трусов и намочив волосы под краном, Евгений сел на лавочку в раздевалке. В помещение входили и выходили мужики, сменившиеся после дежурства. Кто негромко переговаривался, кто откровенно ржал над рассказанным анекдотом, но почему-то никто даже полусловом не

упоминал о позавчерашней трагедии. Зашли ещё двое ребят. Один из них был явно чем-то раздражён, а второй пытался его успокоить.

– Отвали, я сказал, – недовольно бросил один.

– А кто узнает, Димон? – понизив голос, спрашивал другой.

– Кому надо, тот и узнает! – крикнул первый и запустил в напарника мочалкой.

Шароев ловко поймал предмет личной гигиены и положил перед бросающим. Потом как бы про себя негромко сказал:

– Блин, мужиков жалко. Особенно Макса Тищука...

Неожиданно к нему повернулся хозяин мочалки и тихо, но раздражённо сказал:

– А мне нет. Сами напоролись...

– Как это сами? – коротко спросил Шароев.

– Мудаками не надо быть. А ты кто, чувак? – вдруг отодвинулся от Шароева пошедший на контакт патрульный.

– Капитан Шароев, – честно ответил Евгений.

– Тогда отвали, капитан, – зло ответил «пепс» и стал быстро одеваться.

* * *

Шароев встретил своего нового знакомого уже за территорией УВД. Открыв окно машины, он громко крикнул:

– Димон, давай ко мне, подвезу.

Димон сначала не понял, кто его зовёт. Он наклонился, чтобы получше рассмотреть, но, увидев Шароева, махнул рукой и пошёл дальше. Евгению пришлось догонять его и на ходу объяснять:

– Капитан Шароев, «Отдел розыска». Веду расследование по поводу ЧП в вашем подразделении. У тебя два выхода. Первый – ты садишься ко мне в машину и, пока я везу тебя к ближайшей станции метро, рассказываешь мне всё, что знаешь или слышал. И тогда я для тебя – Женя. Ну, а второе – мы возвращаемся в Управление, и ты под протокол рассказываешь мне всё, что мог бы рассказать и без него. В этом случае будешь называть меня «товарищ капитан». Жду.

– До метро ещё топать и топать, пошли в машину, – согласился Димон.

Вообще, он оказался лейтенантом ППС Дмитрием Серовым. Служил первый год после Школы полиции и только начинал постигать азы полицейской службы.

– Рассказывать особо нечего. Мы в ту субботу тоже дежурили в районе Ледового дворца. Прихватили четырёх дебилов молодых, которые хотели через забор перелезть на концерт и чуть не поубивались. Я с дежурным связался: что, мол, с ними делать? А он говорит, типа, за пару кварталов их завези, «повоспитывай» слегка и выгрузи, а сами возвращайтесь. Ну, едем. А я смотрю, Витька Стариков стоит у дороги, какую-то афишу читает. Один. Удивился, конечно. Я у

него спрашиваю: «Витёк, ты чё тут? А твои где?» А он улыбается и говорит: «Они в машине сучку одну тарабанят, а я вот гуляю». Я говорю: «Витька, эти хохлы тебе совсем на голову сели!» А он: «Та ладно, дело молодое. Не насилуют же. По согласию». Ну, я плюнул, и мы дальше поехали. Возвращались мы другим маршрутом, и я больше Старикова не видел. Одно тебе скажу: это Тищук со своим дружкой Витьку под монастырь подвели.

– А что ты по поводу хохлов... – решил уточнить Шароев.

– Да эти двое. Тищук и Иванченко. Из Донецка они. Два года назад там российские паспорта получили, в Москву переехали и в полицию пошли работать. Типа, пацаны из горячей точки, воевали. Общага, социалка, ну сам понимаешь... Но, б..., шпана ещё та. Витька с ними маялся, но терпел. Здоровый, как мамонт, но скромный был, не выпячивался. Вы его покрутите, он не идиот, расскажет.

Как и уговаривались, Шароев высадил лейтенанта Серова у ближайшей станции метро.

* * *

Странно, но на автостоянке Управления не увидел машины Лядовой. Вот уже лягушка-путешественница. По пути к себе в отдел услышал за спиной быстрые шаги и прерывистое дыхание курящего всякую дрянь человека. Человеком оказался начальник АХО Управления подполковник Тарасенко.

– Слушай, Чапаев, у тебя внутренний телефон работает? Когда ни позвоню, никто трубку не берёт. Вас что, на работе не бывает? – начал с ходу возмущаться самый хозяйственный человек Управления.

– Да в том-то и дело, что мы в кабинетах практически не работаем... Извините, нас друг другу ещё не представляли. Меня зовут Андрей Васильевич, можно по-простому – Андрей, – представился я, понимая, что с такими людьми лучше дружить.

– Понял. Держи, это моя визитка. Извини, скажу по секрету, начальство пока не давало «добро» печатать на твою команду визитки. Да и на дверь таблички пока не заказывали, – по-простому раскрыл все тайны двора, подполковник Тарасенко. «Ну да. Может, ещё ко двору не придёмся, а в разор контору введём» – подумал я. Как только зашли в мой кабинет, подполковник сразу занял моё кресло и, подсунув мне несколько листков бумаги, почти в приказном тоне командовал:

– Подписывай швыденько. Ось тут, тут, тут и тут...

– А что это? – взяв в руки первый лист, поинтересовался я.

– Как шо? Как шо? А на чём сидишь? А сейфы – шесть штук? А кресла? А диван? – читал список Тарасенко. – Ну ты, Чапаев! – добродушно рассмеялся подполковник. – Так... для служебных целей у вас используются три личных автомобиля. Договоры завтра подготовлю, а пока вот вам та-

лоны на сто литров бензина. Считай и расписывайся.

– Из трёх автомобилей, у нас два работают на дизтопливе. Как с этим быть? – поинтересовался я.

– На солярку лимит исчерпан, а пока будете, как все.

– А как все?

– А все на заправке у заправщиков меняют талоны. Бензин на солярку, солярку на бензин. С коэффициентом, конечно, – по-деловому объяснил Тарасенко и засобиравшись на выход.

Я достал из кармана визитку Тарасенко. Что? Как зовут этого салоеда? А звали его просто... Шарль Петрович Тарасенко. Так пятьдесят пять лет назад назвал своего сына его батько. В честь восемнадцатого президента Франции Шарля де Голля, конечно!

* * *

– Андрей Васильич, я этого суку нашла! – именно с такими словами ко мне в кабинет ворвалась лейтенант Лядова.

О, как я жалел, что именно в это время у меня не было под рукой какого-нибудь паршивенького диктофончика! Сколько эмоций, сколько охотничьего азарта было в этой, несомненно, талантливой папиной дочке. И как бы я мог красиво (а главное – для пользы общего дела) использовать эту запись, шантажируя свою своенравную и необузданную подчинённую.

– Про суку прошу уточнить, Светлана Ивановна, – показывая на стул, вежливо попросил я лейтенанта.

– Шеф, пойдёмте к нам в кабинет. Там можно второе кресло возле монитора поставить. А здесь тесно, хоть на коленки к вам садись, – улыбнулась Лядова.

– Ну... я был бы не против, но боюсь, что Дроздову это не понравится, – с опаской отметил я, и мы пошли в соседний кабинет.

– Я ездила в фитнес-центр. Мне записи с улицы не хватило. Сейчас объясню. Акцентируйте ваше внимание только на том, на что я буду показывать. Смотрите. На ресепшене. Вот парень стоит в чёрных брюках и тёмно-синей куртке с капюшоном. На голове чёрная бейсболка, – тыкая в экран монитора красивым маникюром, возбуждённо говорила Светлана.

– Который к нам спиной?

– Да. Стоит, разговаривает с девушкой в чёрных спортивных брюках и светлой ветровке. На ногах у неё белые кроссовки. Чуть позже поймёте, почему я делаю акцент на обуви. У парня, что спиной к нам, высокие чёрные берцы на шнурках. Вот администратор им что-то сказала, и девушка вышла на улицу. А вот и наш Стариков пошёл. Красавец. Аполлон. Улыбнулся администратору... и пошёл. Что-то сказал? Нет, просто ещё раз улыбнулся. Пошёл на выход... не торопясь. За ним парень в берцах. Капюшон по ходу накинул, по сторонам посматривает.

– Вот тут увеличь, лицо немного видно, – повысил голос я, заражаясь азартом Лядовой.

– Ничего там не видно, кончик носа и всё... А вот запись уличная. Девушка быстро пошла, пошла, пошла... торопится. Вышел Стариков. Повёл молодецки плечами, видно, нагрузил их сегодня железом. Пошёл. Медленно пошёл. А куда торопиться? – с удовольствием комментировала Лядова. – А вот и наш незнакомец. А тоже ничего, да? Широкоплечий, сухой. Посмотрел направо, налево... Проверяется. Постоял... ещё раз посмотрел и пошёл за Стариковым. Походка лёгкая, кошачья. Исчез за углом. Смотрим время. Тринадцать часов одиннадцать минут.

Надо отметить, что в это время лицо у лейтенанта Лядовой сияло, как у Золушки, надевшей хрустальные туфельки. И надо ж такому случиться – обе подошли! Я понял, что это ещё не всё, но на всякий случай предложил:

– Лядова, а хочешь, я тебе кофе сделаю, как ты любишь?

– Нет! – замотала головой Светка. – Теперь смотрите, внимательно смотрите!

И она медленно начала увеличивать изображение молодого парня, стоящего у ресепшена. И вскоре я увидел знакомую красную строчку по бокам брюк, заправленных в «уставные» берцы.

– Наш? – невольно выкрикнул я.

– Точно! – засмеялась счастливая от такого открытия Лядова. – А теперь улица. Дальше смотрите. Дорога узкая, од-

нополосная. Встречную полосу видно только наполовину. Мужик дорогу перебегает... «Тойота» белая... А вот, вот смотрите...

По встречной полосе ехал ярко-оранжевый спортивный байк. Кто сидел на нём, можно было догадаться только по одежде, то есть только по нижней части туловища. За рулём «сидели» форменные брюки сотрудника МВД, заправленные в берцы, а на месте пассажира был виден низ светлой ветровки, чёрные спортивные брюки и белые кроссовки. Время на записи – тринадцать часов, тридцать две минуты.

– Как думаете, шеф, двадцати одной минуты хватило бы, чтобы догнать, отоварить качка, сесть на мотоцикл и свалить? – поинтересовалась Лядова.

– Затрудняюсь... нужно у нашего Дрозда спросить. Слушай, а ты случайно...

– Узнала. Парня у стойки зовут Еремеев Сергей Георгиевич, девяносто пятого года рождения, курсант четвёртого курса Академии МВД в городе Москва. Ходит в этот же зал, только не в «качалку», а в боксёрский или борцовский зал... не уточняла. У администратора в базе есть все, кто абонементы купил. Кстати, спросила у неё: «О чём разговор шёл с Еремеевым?» Говорит, что хотел сестру пристроить к хорошему тренеру. Но, думаю, врёт, – застыв, как памятник, серьёзным тоном сделала заключение лейтенант полиции.

– Светка, ну ты... – расплылся я в улыбке.

– Можно... пока Дроздова нет, – улыбнулась в ответ Ля-

дова, ткнув себя в щёку пальчиком.

Ну и, конечно, только я приложился к розовой девичьей щёчке, петли входной двери пискнули, и на пороге появился возбуждённый от переполняющих его фактов и догадок капитан Шароев.

– Ой, извините, что помешал вам радоваться жизни! – удивлённо посмотрев на нас, выдавил из себя Евгений Магомедович.

– Капитан Шароев! – укоризненно пропела Светлана.

– Ах, оставьте, лейтенант...

– Если и ты с такими новостями, то и тебя поцелую, джигит, – пообещал, грозно надвигаясь на Шароева, я.

– Ну, не так чтобы сразу целовать... Да, в общем... есть кое-что, – садясь в своё кресло, гордо ответил горец с московской пропиской.

– Свет, ну ты поняла, да? Это не улики. Всё, что мы сейчас с тобой видели, требует конкретного подтверждения. Тем более лицо... нет лиц, понимаешь? Так что подтверждать твою версию будут все остальные (хотел сказать – члены, но постеснялся)... кавалеристы.

– Андрей Васильевич, но зацепочка-то конкретная. Согласитесь! – шагая туда-сюда по кабинету, горячилась Светлана Ивановна, не замечая, с каким восторгом следит за её подпрыгивающей грудью Шароев.

Ох, как она мне такой нравилась! Хотя, если честно, в её поведении я заметил, что Светлана как будто погрузилась в

какую-то игру. Игру для взрослых, но игру. Будто она не преступника ищет, который убивал и уродовал людей, а хочет приз заработать, дойдя до финиша первой. А вот тут, девочка, ты ошибаешься.

– Давай, Магомедыч, вываливай на нас свои трофеи, искупай в фактах, – дал я отмашку ёрзавшему в своём кресле Шароеву.

– Да особо вываливать... а тем более купать не в чем. Много времени потратил на то, чтобы найти двух алкоголиков. Собственно, мне изначально эта версия дохлой показалась. Зря только время потратил. Нашёл одного. Мамонов Аркадий Савельевич, семьдесят пятого года рождения прошлого столетия. Смотреть не на что. Алкоголик с большим стажем. Неперевоспитуемый, как говорится. Таких нужно в банку со спиртом и студентам показывать. Ему подобные не только кому-то физический вред причинить категорически не смогут, они от голубей и котов на помойках шарахаются.

– Понятно, Евгений. Успокоил. Но, согласись, отработать эту версию нужно было. Дальше давай, – кивнул я, пытаюсь взглядом остановить расходившуюся Лядову.

А дальше капитан Шароев рассказал нам интересную историю, рассказанную ему лейтенантом ППС Серовым. И получилось так, что мы так ничего до сих пор и не знаем о временном промежутке с шести вечера до половины десятого. И был ли ремонт карбюратора вообще? А откуда в машине взялась проститутка, которую пользовали сержанты? И по-

чему об этом не упоминали Сёмины, по идее находившиеся в это же время в патрульной машине?

Эти-то ребята не постеснялись бы рассказать о ментовском беспределе.

– Вот и получается, что единственный, кто может пролить свет на этот мрак, остаётся лейтенант Стариков, – задумчиво подытожил я.

– Так давайте его колоть. Просто жёстко брать и колоть! – нервничая, предложила Лядова.

– В принципе согласен, – привстал со своего места Шаров.

– Никто никого брать и колоть не будет, – резко ответил я. – Всё разрешится сегодня. Ждём Дроздова.

Не знаю почему, но очень уж мне хотелось дать шанс этому молодому несостоявшемуся полицейскому самому выкарабкаться. Конечно, я понимал, что как только он мало-мальски придёт в себя и сможет членораздельно излагать мысли, его тут же у нас заберут «гестапов...», в смысле «Служба собственной безопасности». А там... Так что пиши, Стариков, пиши!

* * *

Ну а пока старший лейтенант Дроздов метался между медицинскими центрами и городскими моргами, выжигая солярку, купленную за мои кровные, мы тоже время не теря-

ли. Сделали запрос в Академию МВД и получили ответ, что «... курсант, старший сержант Еремеев Сергей Георгиевич, 1995-го года рождения, действительно проходит обучение на четвёртом курсе в Академии МВД города Москвы по специальности «Правоохранительная деятельность». Профиль обучения: «Оперативно-розыскная деятельность».

– Коллега, – тихо сказала Лядова.

К сожалению, до поступления в учебное заведение на биографии курсанта Еремеева стояло большое жирное пятно. Пришлось по своим каналам связываться со «старшим братом» – майором Тюриным. Через сорок минут мне позвонил сам Стёпа и зачитал короткую справку.

– Не знаю, зачем конкретно тебе понадобился этот парень, Андрей, но если ты его себе в команду хочешь получить, то выбор сделан правильно. Служил срочную в дивизии Дзержинского. Разведчик. Потом подписал контракт и улетел в Сирию. Служил по специальности. Имеет правительственную награду. Ранен. Дали рекомендацию для поступления в Академию МВД. Вот вкратце. Да, ещё у него брат с сестрой младшие есть. Двойняшки. Родители умерли, – коротко объяснил мне по недостающим деталям в биографии Еремеева старый приятель.

– Спасибо, Стёпа, ты очень помог, – поблагодарил я.

– Постой, Андрей. Что-то ты как-то мрачно... Или он на-творил что-то? – удивился Тюрин.

– Разбираемся, Стёпа, разбираемся, – ответил я, отклю-

чаясь.

* * *

Начальник криминальной полиции Управления полковник Воронин моего звонка ждать не стал, а позвонил сам, причём на полчаса раньше назначенного времени.

– Ну, что у тебя, Чапаев? – услышал я «неожиданный» вопрос.

– Товарищ полковник, к сожалению, не могу дожидаться одного оперативного сотрудника. А его информация очень нужна для систематизации фактов. Ну и первый день работы, сами знаете, как правило, это сбор информации, – путано ответил я.

– Это как первый, Чапаев? Ты же вчера мне уже докладывал. А твой опер пешком по Москве бегают, что ли? – возмутился полковник.

– Ну, почему пешком, товарищ полковник. В двадцать первом веке живём, однако. Метро, троллейбусы, маршрутки... В транспорте вы мне отказали, а он безлошадный. Вот и стирает подошвы о свежеположенную тротуарную плитку. Так вчера у нас организационный день был, товарищ полковник. Оргпериод, новое место службы осваивали, так сказать. Так что прошу считать первым днём расследования именно сегодняшний, – придурковато оправдываясь, доложил я начальнику суть дела.

– Ладно. Как у тебя со следователем? – поинтересовался Воронин.

– Работаем вместе. Она в курсе всех наших действий. Можно сказать, отрабатываем выдвинутые ей версии.

– Правильно, Чапаев. Ты с ней не задирайся. Она баба с норовом, любого залягает. Завтра с утра я в Главке. Оттуда позвоню. Не подведи меня, майор... Бывай, Чапаев.

– И вы бывайте! – сказал я уже плачущему телефону.

* * *

В кабинет Дроздов ворвался шумно и явно в отвратительном расположении духа. Окинув всех горящим взглядом, он остановился на Лядовой и вдруг ангельским голоском пропел:

– Светуль, у нас ничего пожрать нет?

– Бедненький, – сжалилась над Дроздом Лядова, разворачивая пергаментную бумагу с бутербродом, – даже поесть времени не хватило?

– Денег не хватило, Света, – нахмутив брови и шире открывая рот, ответил Иван. – Только десять литров солярки залью, только по «пробкам» подёргаюсь – опять красная лампочка горит! Только залью, только проеду... Васильич, а сколько твой керогаз по городу жрёт? Бегемот, а не машина!

– Ключи! – протянул руку я.

– Нет, ты скажи!

– Ключи, гад! Вот прав был Чегеvara...

– Начинается! – застонал этот тракторист, не умеющий ездить на чужих машинах.

– А я говорила, – ехидно подключилась Лядова.

– Поел? Рассказывай, – с опаской глядя на часы, приказал я Дрозду.

– А попить? – жалобно пробасил Дрозд.

– Света, сделай ему... Поехали, Дрозд, не зли, опять ночью разойдёмся.

– С какого морга начать, начальник? Ладно, начну с живого. Младший сержант Тишук из комы выходить пока не собирается, неважные у парня дела. Весь в трубках, проводах. Очень сильный ожог получил, нужна пересадка кожи. А у него ещё с черепом проблема. Короче, лечащий его говорит, что шансов мало. И то, что в ближайшее время говорить не будет, это точно.

– Ваня, а о травмировании нижней части таза Тишука доктор ничего не говорил? – стараясь не выделять этот вопрос, спросил я.

– А это уже на следующей страничке, Андрей Васильич, – переворачивая страницу в своём блокноте, ответил Дрозд. – Это ведь не просто так ты спросил. Да? Совершенно верно, начальник. Там, где у живого Тишука и мёртвого Иванчука должны находиться половые органы... Кровавое месиво там, Васильич, – тяжело сглотнув слюну, закончил свой рассказ Дрозд, невольно прикрыв рукой место, где начинается

на джинсах ширина. – Ты знал?

– У Старикова та же картина. Вернее... акцент ударов был именно в эту область туловища, – ответил я.

– Братцы, а это значит, что можно предположить, что мотивом покушения на убийства могла быть месть за совершённое сексуальное преступление, – крикнул, вскочив со своего места, Шароев.

– Ну и продолжай дальше, братец Магомедыч, – ...сексуального преступления, совершённого сотрудниками ППС, – мрачно подытожил Дроздов.

– Это всё, что ли, Вань? Ты же весь день по больницам и станциям «скорой помощи». Неужели ничто внимание не привлекло? Может быть, что-то необычное? – раздосадованно расспрашивала своего дружка Лядова.

– Поверишь? Ничего, – листая свой блокнот, сокрушённо ответил Иван. – Женщина в алкогольном опьянении выпала из окна второго этажа. Порезы. Бомжи подрались у ресторанной мусорки. Мелкие травмы. Семейное насилие. Муж жене руку табуреткой сломал. Но пока того волокли в «бобик», помирились. А помирившись, объединились и чуть «пепсам» не накостыляли. В связи с изнасилованием обращений не было. Понимаешь? Вот, правда, на остановке найдено тело молодого человека. Констатирована смерть от сердечной недостаточности...

– Фамилия? Фамилия умершего, Ваня? – вдруг встрепенулась Лядова.

– Сейчас... так, где тут? Еремеев, – прочитал у себя в блокноте Иван.

Вскочившая со своего места Светлана вдруг опустилась в кресло, закрыла лицо ладонями и тихо заплакала. Мы, несколько секунд наблюдая за неизвестным явлением в наших кругах, молчали. Первым к Светлане подошёл Иван. Он, бережно прижав её головку к своей груди и осторожно поглаживая девушку по спине, тихо повторял:

– Ну, что ты так? Всё хорошо... поймал мы его, Свет. Ты молодец... ты у меня умная-умная...

– А ты дурак, Дроздов. Вы что, не понимаете? Это же Васильич нас навёл... это же он сказал – идти только сюда, делать только это. И мы шли и делали. Как ты его просчитал, шеф? Ваше сиятельство... Андрей Васильевич, вы такой умный! – уже ревела навзрыд лейтенант Лядова, громко сморкаясь в чистый лист бумаги формата А4. – Чего стоим? Кланяйтесь «светлейшему»! – сквозь слёзы смеялась Светка.

– Лейтенант Лядова!

– Ах, оставьте, господин майор... – наконец расслабилась Светлана.

– Так, Шароев, завтра вот на это место повесить медицинскую аптечку. И чтобы там обязательно что-нибудь успокоительное было. Светлана Ивановна, я думаю, эти два джигита не совсем понимают, о чём мы. Успокойся и поставь им, пожалуйста, своё кино из фитнес-центра и объясни всё, А я пока доктору отвечу, – сказал я, понимая, что звонок Миха-

ила Ивановича уберёт меня от ненужных оправданий перед подчинёнными по поводу интуиции и других необъяснимых манипуляций мозговой деятельности зрелого не по годам сотрудника полиции.

– Андрей Васильич, не разбудил? Привет, – поздоровался костоправ.

– Здоров, Иваныч. Написал? – коротко спросил я, наблюдая, как Лядова раздражённо что-то доказывает Шароеву, тыкая пальцем в экран монитора.

– Стариков тут тебе целый опус пишет. Практически целый день царапает. Тяжело ему, потеет, стонет, но я не трогаю. Предложение напишет – отвалится. Напишет – отвалится... Врать не буду, прочитал кое-что. Вот же, б..., засранцы! Защитнички хреновы! Ты когда приедешь, Андрей?

– Миша, в двадцать первом веке живём. На смартфон свой сфотографируй, когда Стариков закончит писать, и мне пришли все листочки. Понял? Только потом сам лично из телефона своего текст удали. А сами бумаги, собственноручно написанные Стариковым, запири в свой сейф. Я их позже заберу. Могу надеяться? – спросил я у травматолога.

– Ну, надеяться-то можешь... А сколько эта бумага может стоить на «чёрном» рынке? – поинтересовался хитрый доктор. – Шучу, мент. Всё сделаю, как надо. Я армянский люблю, ты, бродяга, знаешь.

А возле ноутбука Лядовой разгорался нешуточный спор. Дроздов рвался прямо сейчас выезжать в адрес и брать кур-

санта за задницу. Шароев уверял, что ещё рано, что пока нет полной уверенности в доказательной базе и что нужно сначала эту версию согласовать со следователем.

– Шеф, когда Еремеева брать будем? – уверенная в своей правоте, задала вопрос Лядова.

– Будем, но не сегодня это точно. Еремеев – курсант дисциплинированный, у него армия и война за плечами. Сказал – сделал. Завтра будет на занятиях как штык! К тому же уж очень мне хочется «чистуху» от Старикова дожидаться, – ответил я.

– А дождёмся? – с сомнением задал вопрос Магомедович.

– Дождёмся, пишет, – успокоил я капитана. – А теперь по коням. Дрозд, тебя подвезти? Или там уже солярки нет? – вдруг вспомнил я про Ванькино нытьё.

* * *

На этот раз меня никто не встречал. Ни в ночных рубашках, ни без... На диване в гостиной белели подушка и одеяло. Понятно. На кухонном столе лежали две короткие записки. «Извини, не высыпаюсь. Котлеты холодными не ешь. В микроволновке – одна минута. Целую» Но вторая понравилась мне больше: «андюша привет ятибе аставила адин сырник цылую жея» (орфография бережно сохранена).

Я взял «адин» сырник, положил на него одну холодную котлету и поужинал. Ничё так, хотя вкус, конечно, странный.

Несмотря на тяжёлые мысли о предстоящей операции, уснул сразу.

Приснилась какая-то ерунда. Будто стоит на балконе в ночной рубашке босяком моя Женька с сырником в руке и смотрит вниз. А под балконом сидит наш кот Боцман с гитарой в лапах и орёт басом:

– Мурка! Ты мой Мурё-ё-ёночек!

Вроде и не март ещё.

* * *

Сбор был назначен на восемь ноль-ноль. Без пятнадцати восемь в кабинет последним зашёл Дроздов и молча занял своё место. Ночью мне пришёл текст, собственноручно написанный Стариковым. Михаил Иванович не подвёл. Личный состав «Отдела оперативного розыска» смотрел на своего начальника в нетерпеливом ожидании «вишенки» на торте. Ох, как мне нужна была эта пауза! Я просто упивался собственным искренним желанием поставить наконец жирную точку в этом противоречивом резонансном деле.

Через пять минут я читал своим «чапаевцам», надеюсь, чистосердечное признание лейтенанта полиции Виктора Ивановича Старикова. Орфография сохранена.

Чистосердечное признание.

Явка с повинной.

«Я, Стариков Виктор Иванович, чистосердечно сознаюсь

в следующем. Во время дежурства ППС, где я был старшим в составе усиленного экипажа по обеспечению общественного порядка на мероприятии в Ледовом дворце, нами были задержаны молодые люди (парень и девушка). Они привлекли наше внимание тем, что сидели на автобусной остановке, а девушка поила парня из пластиковой бутылки. Младший сержант Тищук сказал, что это наркоши колёса глотают. Было принято решение произвести досмотр и установить их личности. При досмотре у парня нашли студенческий билет на фамилию Еремеев (имя и отчество не помню), а также целлофановый пакетик с сухой травой, внешне похожей на стебли конопли. Вес пакетика, со слов Тищука, был больше пяти граммов. Девушка сказала, что её фамилия тоже Еремеева и что они брат и сестра. Ещё сказала, что у брата врождённый порок сердца и она поила его из бутылки после приёма лекарства. Потом она начала кричать на брата, типа, ты опять за своё, что всё старшему расскажет. А парень кричал, что каннабис – это его лекарство.

Мы посадили парня в отсек для перевозки, а девушку на заднее сидение, так как они постоянно ссорились и сестра пыталась парня побить. Я доложил дежурному, что задержали наркоманов, возможно наркодиллеров. Тищук сидел сзади и о чём-то договаривался с девушкой. Потом Тищук вышел из машины и попросил выйти меня. Он сказал, что девка очень красивая и что согласна дать нам всем, если мы отпустим её брата. Я сказал, что уже доложил дежурному о за-

держании наркоманов. А он сказал, чтобы я не был мудаком, а он мне «таких наркоманов» на следующей остановке десятков найдёт. На конфликт идти не хотелось. К тому же девушка сама согласилась, и это изнасилованием считать было нельзя. Я согласился, но отказался в этом участвовать.

Мы отъехали пару кварталов, и Тищук выпустил парня. Тот начал что-то кричать и пробовать открыть дверь машины, где сидела девушка. Тогда Тищук с разворота ударил парня ногой в грудь. Парень упал и, пока мы ехали, не поднимался. За поворотом я вышел. Девушка что-то кричала, но что уже кричать, если сама согласилась. Через час они меня забрали. Девушки в машине уже не было. Парни смеялись и сказали, что я много потерял и что девка побежала к брату.

По пути к Ледовому дворцу мы среагировали на драку у машины такси. Погнались за напавшими на таксиста. Это были сильно пьяные молодые мужчина и женщина. Тищук подбросил им пакетик с марихуаной, и мы сдали их в дежурный отдел.

На следующий день у меня был выходной. Я занимаюсь спортом в фитнес-центре недалеко от дома. В воскресенье, ближе к обеду, я пошёл на тренировку. Возвращаясь после неё (я уже писал вам), услышал крики о помощи. На стройке на меня напали. Это был один человек. Так может бить только очень хорошо подготовленный боец. Я пытался сопротивляться... Он сделал удушающий... я несколько раз на секунды терял сознание, но он не убивал меня. Это потом

я понял... Он спросил фамилию напарника, я сказал: «Тищук». Он сказал, что его нет дома, и спросил, где он. Я знал, что Тищук и Иванченко собирались на рыбалку на озеро у посёлка Чёрные Воды и сказал ему об этом. Я был с ними как-то, но они не рыбу ловят, а водку пьют. Потом я почувствовал удар по затылку и потерял сознание.

Теперь я понимаю, что Тищук и Иванченко меня обманули. Они изнасиловали Еремееву, и за это нам мстят. Свою вину признаю полностью и прошу о снисхождении. Дата. Подпись».

Чуть ниже была приписка от доктора: «Первоисточник под замком, фото текста из телефона удалил».

Несколько секунд в кабинете была тишина. Личный состав отдела переваривал услышанное. Было одновременно и гадко, и муторно от этого «чистосердечного признания». Признания большого физически сильного молодого человека со скудным, ничтожно крохотным мозгом.

– Мне его не жалко, – в гробовой тишине тихо сказала Светлана. – Таким размножаться нельзя.

– И мне, – глухо прошептал Дроздов, громким щелчком загоняя обойму в свой «Макаров».

– Понимаете, да? Только он мог сказать: «Нет!» И всё сразу бы изменилось, – сказал я.

– И все остались бы живы, – понял меня Шароев.

Курсант Еремеев

План операции по задержанию курсанта Еремеева С.Г. я продумал прошедшей ночью. А чем ещё должен заниматься одинокий майор, девушка которого, видишь ли, не высыпается? Брать старшего сержанта нужно прямо во время лекции. Да. Не тогда, когда он в коридоре учебного заведения вместе с сотнями таких же курсантов идёт в другую аудиторию, а именно... И брать своими силами. Опыт подобных операций у нас с Дроздом богатый и в большинстве своём позитивный. А в ограниченном пространстве кабинета перевес сил будет на нашей стороне.

– Андрей Васильевич, а спецгруппу СОБРа вы уже согласовали? – перебил мои стройные мысли капитан Шароев, вынимая из сейфа бронежилет.

– Зачем? Как ты себе это представляешь, Шароев? В Академию МВД, можно сказать, в альма-матер... мать её... вшивается спецподразделение СОБР! И, опустив на касках забрала, шуруют гуськом, целясь во всё, что движется, по коридорам заведения... А старший орёт благим матом на профессуру и курсантов МВД: «Всем мордой в пол, твари!» Так, что ли? А бронежилет тебе зачем, Магомедыч? Ты думаешь, курсант Еремеев на лекции с большой ходит? Сработаем тихо и интеллигентно. А СОБР... СОБР будет участвовать в задержании в обязательном порядке. На последнем этапе. Да,

Дрозд? – поинтересовался я мнением Ивана.

– Как учили, шеф? Васильич, а чего ты сегодня по форме? Неудобно же! – в свою очередь задал вопрос Ванька, переобуваясь в старые кроссовки.

– Ключевое слово – интеллигентно. Правильный курсант не будет применять силу против своего коллеги, тем более офицера. Я ему со своими погонами даже думать в этом направлении запрещаю. Пароль: я – мент! Отзыв: значит – свой, – пояснил я свою задумку.

Через двадцать минут проинструктированные сотрудники отдела оперативного розыска уже размещались в салоне моего «барсика». Ехать решили одной машиной. Из экономии горюче-смазочных материалов.

* * *

Предупреждённый о нашем приезде декан факультета ждал нас в своём кабинете. Объяснившись и пожав друг другу руки, мы временно заняли его «гнездо». В Академии шла первая пара лекций. Лядову мы посадили на место секретаря в приёмной. Светка в свою роль вписалась очень гармонично. Ещё не успел забулькать электрочайник, а она уже о чём-то говорила по селектору, барабанила по клавиатуре компьютера и раскладывала по чашкам растворимый кофе. Она была на связи. В приёмной же на жёсткий диван посадили и Дроздова, дав ему в руки какие-то бумаги для мас-

кировки. Место Шароева было в коридоре перед деканатом. Он прохаживался вдоль окон и делал вид, что разговаривает с кем-то по телефону. Я же сел в кабинете декана за его рабочий стол. Сидел и с большим удовольствием потихоньку пил кофе из кружки декана, восхищаясь качеством напитка и способностями профессиональной секретарши.

Помощник дежурного по факультету, извинившись перед преподавателем, крикнул в полуоткрытую дверь аудитории:

– Курсант Еремеев, к декану. Срочно!

С четвёртого ряда аудитории, продираясь через колени соседей и шутливо ругаясь, вышел старший сержант и быстрым шагом пошёл на выход. В коридоре надев пилотку на голову, спросил у помощника дежурного:

– Слышь, не знаешь, чего там?

– А кто его, Серёг... – безразличным голосом ответил помощник, доставая пачку сигарет и направляясь в сторону туалета.

Еремеев примерно догадывался, по какому поводу вызывали в деканат. Его вчера не было на занятиях. Хоронил брата, умершего от сердечного приступа. А сегодня с утра написал заявление о материальной помощи в связи с этим событием и заодно рапорт о переводе на заочную форму обучения. Деньги, выплаченные ему за командировку в Сирию, давно закончились. Из того, что осталось после родителей, не осталось ничего, продали. А зарплаты сестры Наташки на жизнь не хватало. В деканате обещали помочь. «Быстро сре-

агировали», – подумал Сергей.

В приёмной декана спиной к выходу стоял какой-то мужик по гражданке и о чём-то разговаривал с секретаршей. На вошедшего Еремеева никто не обращал внимание.

– Извините, меня декан к себе вызывал, – обратился к секретарше курсант. – Я войду?

– Заходи, если вызывали, – вместо секретарши весёлым голосом ответил мужик по гражданке.

– Заходите, заходите, – послышался женский голос из-за стойки.

Поправив на голове пилотку и подтянув немного ремень, курсант открыл одну, потом вторую дверь и вошёл в кабинет декана факультета. Сделав три шага вперёд по направлению к сидящему за столом офицеру, курсант Еремеев, отдав честь, доложил:

– Товарищ полковн... виноват. Товарищ майор, курсант старший сержант Еремеев. Меня декан вызывал... Или я ошибся?

За столом с кофейной кружкой в руке сидел я. Нажав на селекторе нужную клавишу, я, как мог спокойно, ответил:

– Нет, Сергей, сейчас ты не ошибся. Ты, сынок, ошибся, когда решил, что ты выше закона.

За спиной у Еремеева негромко щёлкнули замки входных дверей, и в кабинет вошли Дроздов и Шароев с пистолетами в руках. Реакция курсанта была мгновенной. Он прыгнул на стол и достал с верхних полок стеллажа два увесистых на-

градных кубка, показывая нам, что так просто сдаваться не намерен.

– Стоп, Сергей! – крикнул я. – Стоп! Мы на третьем этаже. Внизу СОБР. Да и парни мои с пяти метров не промажут. Мы нашли тебя, значит, почти всё знаем. А я хочу знать всё. Мы с тобой воевали и знаем, что такое месть. Я мстил за погибших друзей, но то была война. А ты за брата с сестрой на гражданке. Поэтому будет суд, и ты получишь то, что предусмотрено законом. Я за этим прослежу, будь уверен. Но ты будешь жить. Жить, понимаешь? Тебе ещё памятник брату ставить и сестру замуж отдавать. Думай, Серёга!

Я видел, что искажённое злобой лицо курсанта постепенно расслабляется. Руки, до белизны в суставах сжимавшие металл кубков, опустились. Еремеев медленно, по-прежнему контролируя все наши действия, спустился со стола на пол и положил кубки. Потом, посмотрев на меня, каким-то изменившимся голосом спросил:

– Как тебя зовут, майор?

– Чапаев, – ответил я парню.

Улыбнувшись краешками губ, старший сержант Еремеев сказал:

– Чапаев, я был один. Понял? Всё... делал... один.

– Так мы так и думали, Серёжа, – ответил я, накрывая лежащий на столе «макар» каким-то журналом.

– Тогда вяжите, – заведя руки назад и, повернувшись к Дроздову и Шароеву спиной, сказал курсант Еремеев. В ру-

ках Дрозда звякнули наручники.

В это время тяжёлые входные двери в кабинет декана начали содрогаться от ударов. На столе истерично зазвенел телефон. Я поднял трубку.

– Чапаев, ты? Открывай! – засопел в трубку командир спецотряда СОБР подполковник Жданов.

– Сейчас откроем. Мои будут стоять вдоль стены и без оружия. Задержанный в количестве один лежит на полу. Не перепутайте! – заорал я в трубку, чтобы доходчивее было.

Быстро сунув ствол в карман и на всякий случай надев фуражку, я крикнул:

– Сергей, на живот! Парни, стволы прячем и вдоль стены. Магомедыч, открывай!

То ли Шароев не успел прижаться к стене, то ли его кавказская внешность сыграла над ним злую шутку... Четверо тяжело экипированных собровца, сбив Женьку с ног, пробежались по нему, как дети по лужайке. Крайний спец наступил коленом Шароеву между лопаток и, взяв его за волосы огромной пятернёй, приподнял голову.

– Отставить, Приходько, этот вроде свой! – крикнул старший коллеге.

Узнав меня, командир группы, пнув для порядка лежащего курсанта ногой, спросил:

– Этого забирать?

Я молча кивнул, и бойцы, поставив Сергея на ноги, быстро повели его вниз. Пара ещё не закончилась, поэтому всё

это мероприятие видели немногие. Лядова потом рассказывала, что сама слышала разговоры случайно видевших концовку операции курсантов типа:

- Смотри, маски-шоу!
- Учения! Захват отрабатывают...
- Больше негде, что ли?
- Слушай, а я этого чувачка знаю...

Уже в машине мне позвонил полковник Воронин:

– Здравствуй, Чапаев. Что у тебя нового? Звонила следачка, жаловалась, что ты её сбрасываешь. Чапаев, я тебя предупреждал! Чего молчишь? У тебя два дня осталось! Считать умеешь?

– Здравия желаю, товарищ полковник. Дело по покушению на экипаж ППС раскрыли. Преступник задержан, – как можно спокойней доложил я.

– Как? Чапаев, это не твои эти... «чапаевские» штучки? Мне тут сотрудники докладывали...

– Преступник задержан. Думаю, напишет «чистосердечное». СОБР в настоящий момент его этапирует. Вот только собирался Виолетте Юрьевне докладывать и все документы по делу передать, – подтвердил я.

– Могу сейчас прямо на совещании в главке о результате докладывать? Напомни, сколько по времени расследование шло?

– С момента возбуждения и до задержания – тридцать три часа. Это если считать и ночное время. Докладывайте, това-

рищ полковник, стопроцентный верняк, – заверил начальни-
ка я.

А с Виолеттой Юрьевой мы договорились, что первый совместный допрос проведём завтра с утра. А сейчас пусть курсант немного остынет, придёт в себя и подумает. Лядова нашла домашний телефон квартиры Еремеевых и позвони-
ла вечером младшей сестре Наталье. Нужно было думать об адвокате для брата.

* * *

Обедали всем отделом за одним столом в столовой Управ-
ления. Ели молча и сосредоточенно. Настроение после утренней операции было так себе. Только Шароев никак не мог успокоиться. Его уже никто не слушал, но он всё бубнил себе под нос с обидой в голосе:

– Я же им сразу крикнул: свой! А первый «тяжёлый» херак подсечку... Ну на фига? Пацаны, я же вам дверь открыл... Свой – значит свой! Ну, правильно? И – как стадо по мне... Больно, сука... И этот ещё... Как его? Приходько? Садист! Пойти к ним разобраться? А, Васильич?

– Сходи... – ухмыльнулся Дрозд, заедая пельмени хле-
бом. – Тебе ж сказали – к стене! А ты стоишь, хобот свой выставил...

– Старший лейтенант Дроздов!

– Ах, оставьте, капитан...

– Иван, а если бы Еремеев дёрнулся, ты бы стрелял? – наклонившись к Дрозду, чуть слышно спросила Лядова.

– Нет. Первым стрелял бы Васильич, уговор был такой, – тщательно пережёвывая пищу, ответил Ванька.

– А куда? – открыв рот, испуганно спросила Светлана.

– В жопу!

– Куда?

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться? – слышалось где-то за моей спиной.

Не придавая значения словам какой-то женщины, помогающей какого-то подполковника, я продолжал наслаждаться разбавленным почти до прозрачности томатным соком и похожими на жирные опарыши макаронными изделиями. Но звук женского голоса, перейдя в другую октаву, повторил просьбу:

– Разрешите, товарищ подполковник?

А вот это уже совсем рядом. Я обернулся, уронив с вилки на форменные брюки макаронину, и увидел перед собой одетую в женскую форму полицейского, восьмиклассницу с погонами старшего лейтенанта. Поняв, что на неё обратили внимание, «старшеклассница» подошла ещё ближе и протянула в мою сторону файл с документами.

– Девушка, а ничего, что у нас обед? – сдвинув бровки к переносице, спросила Лядова.

– А мне товарищ полковник... – нерешительно ответила старший лейтенант, оглянувшись.

Я поискал глазами полковничьи погоны и столкнулся взглядом с полковником Иваном Макаровичем Лядовым, сидящим за столиком у окна.

– Папа, – почти не открывая рта, сказал я, повернувшись к Лядовой.

Светка подавилась винегретом, закашлялась, но папе улыбнулась. Полковник сдержанно улыбнулся в ответ и поднял стакан с компотом, приветствуя нашу компанию. А мы ответили ему томатным соком, кефиром и отваром шиповника.

– Давайте мы покушаем, а потом я вас послушаю. Кстати, моё звание – майор, – улыбнулся я подростку в форме.

– Да? – как-то разочарованно ответила она, сделав полтора шага назад.

Но не случилось. В кармане зазудел смартфон. «Полковник Воронин» – проявилось на экране.

– Чапаев, ты в Управлении?

– Принимаем пищу, Николай Петрович. Обед.

– Через десять минут жду у себя. Переваришь по дороге. Не опаздывай.

– Есть!

– Не есть, а закусывать, Чапаев, – неожиданно засмеялся своей шутке Воронин.

Из столовой меня почти бегом провожала Светлана. Она и мне задала беспокоивший её вопрос:

– Андрей Васильевич, а если бы Еремеев попытался при-

менить силу, вы бы куда стреляли?

– В мягкие ткани, Лядова, в мяг-ки-е, – подтвердил я слово Дроздова, для наглядности шлёпнув Лядову по попе файлом с документами.

Как ни странно, но нам с её отцом, полковником Лядовым, было по пути. Иван Макарович догнал меня и, поздравившись, сказал:

– Рад за тебя, Андрей Васильевич. Рад и поздравляю! Оправдал. Честно говоря, не думал, что вы так быстро раскрутите это дело. Светка за эти двое суток от недосыпа уже как тень ходила. Воронин сегодня в Главке всем нос утёр. Его доклад был главной сенсацией. «Мои сотрудники... в кратчайшие сроки... слаженные действия со Следственным комитетом... мои сотрудники...» После этого ЧП его голова на плахе лежала, да и ещё некоторые товарищи вибрировали... – понизив голос, доверительно сообщил мне Лядов. – Так что не ты поляну должен накрывать, а они тебе.

– А я-то с каких? – не понял смысла сказанного я, с недоумением посмотрев на Лядова.

– Так ты ещё ничего не знаешь? Ну, тогда потерпи, – улыбаясь, сказал полковник, пропуская меня первым в кабинет Воронина.

А в кабинете моего начальника нас уже ждали аж три полковника и один подполковник. На столе стояла красивая бутылка импортного, незнакомого со мной коньяку и лёгкая закуска. «Кого-то поминают?» – мрачно пронеслось в голо-

ве. Но я оказался не прав. Ко мне начали по очереди, улыбаясь и желая чего-то несбыточного, подходить товарищи полковники и один подполковник. И в этой непонятной пока для меня сутолоке вперёд вышел начальник криминальной полиции полковник Воронин. В его левой руке пускали золотые зайчики новенькие погоны с парой звёзд на каждом красном просвете. Глядя по очереди в глаза каждому из присутствующих, он произнёс короткую, но запоминающуюся речь:

– Я рад, что именно мне выпала честь сообщить тебе, Андрей Васильевич, о присвоении очередного звания – подполковник полиции. Скажу прямо, были в нашем Управлении коллеги, которые не верили в целесообразность создания твоего подразделения. Но ты доказал. Теперь даже я знаю: если кто-то бежит по коридору, как в атаку идёт, – значит это «чапаевцы». Поздравляю! Надеюсь, что полковничьи погоны тебе буду вручать тоже я, – пошутил в конце речи Воронин.

– Ну, тогда и вы, Николай Петрович, будете в другом звании, – «лизнул» Воронина незнакомый подполковник.

– Ну, а теперь по традиции... И, надеюсь, нас поддержат и не осудят, – посмотрев на портреты Путина и Колокольцева, сказал полковник, поднимая рюмку коньяку.

Честно говоря, мне было приятно. (Но так хотелось сказать: «Ах, оставьте, господа полковники!») Приятно было и от того, что своё слово сдержал полковник Лядов. А он никогда ничего не обещал, если на сто процентов не мог этого

сделать. Ценное и редкое качество. Тем более у «гестаповца». В Главке считали Лядова самым сильным руководителем службы собственной безопасности. Вторую рюмку выпили «на посошок», и я, поблагодарив всех, пошёл к своим «мерить погоны». Уже на первом этаже меня догнал старший прапорщик из службы Тарасенко и спросил:

– Ты же у Чапаева служишь? Кажись, видел тебя там. Держи, Шарль Петрович передал. Отнесёшь?

– Давай отнесу, – согласился я, забирая у него пакет.

Это был довольно объёмный свёрток, но, как потом оказалось, в нём было больше обёрточной бумаги, чем содержимого. Развернули мы его уже в кабинете оперов. Там были три таблички на входные двери кабинетов, пять перетянутых резинкой пачек визиток и бланки допросов, протоколов осмотров, выемок и так далее. Но самое ценное в этом свёртке было – талоны на дизельное топливо в количестве двухсот литров. А также имелась записка от подполковника Тарасенко: «Печать отдела, а также штампы получить лично, под роспись».

– А что такое Блекис? – вдруг спросил Шароев, разбирая пачки с визитками.

– Это я, – откликнулся знакомый женский голос, и я увидел старшего лейтенанта из столовой, выходящую из-за широкой спины Дроздова. – Старший лейтенант Блекис Галина Яновна, назначена на должность старшего дознавателя в ваш отдел, товарищ... я же говорила... подполковник.

И тут все наконец увидели у меня в руках подполковничьи погоны. Рассказывать, что тут началось, смысла не имеет. Из соседствующего с нами боксёрского зала заглядывал тренер и с издёвкой в голосе сказал, типа, будете так орать, вызову полицию! Я предложил отметить это событие в ближайшие выходные, и все, конечно, согласились, но гонца в ближайший маркет всё же послали. Выпили за каждую звезду на моём новом погоне. Потом раздухарившийся Дрозд предложил выпить за каждую звезду на погоне у старшего дознавателя... Короче, домой разъезжались на такси.

* * *

А дома меня ждали. Во всяком случае, на кухне горел свет и после того, как я вышел из такси и, не рассчитав, громко хлопнул дверью, на окне зашевелились занавески. Перед тем как войти в квартиру, я достал свои новенькие подполковничьи погоны и положил их себе на плечи, подсунув под воротник ветровки. Поздоровавшись с дверным глазком соседки Фиры Самойловны, я шумно вошёл в квартиру. Количество выпитого и нерастраченные положительные эмоции позволяли мне это. Но, к моему удивлению, никто мне на шею не прыгнул, в щёку не поцеловал, руку не лизнул и рыжей шерстью на брюках не поделился. А почему, собственно?

– Народ, вы где? – радостно спросил я, осторожно перемещаясь в сторону света.

На кухонном столе лежало покрывало, а на покрывале под утюгом разглаживалась моя форменная рубашка. Не сама, конечно.

– Привет, я сейчас закончу. Посиди пока, – почему-то отвернувшись от меня, тихо сказала моя женщина.

– Вот, поменяй, пожалуйста, – попросил я, положив на стол новые погоны.

– Хорошо, – ответила Ксюша таким тоном, будто я всегда носил по две звёздочки на погонах.

«Что-то тут не то. Совсем на себя не похожа моя Ксюша», – подумал я. Тем временем она молча отстегнула от моего мундира майорские, пристегнула погоны подполковника и, пару раз пройдясь по форме одёжной щёткой, повесила её в шкаф. Я понимал, что трогать её сейчас или расспрашивать бесполезно. Должно само как-то... Плохое настроение у женщины – оно ж как фурункул... Давить ну никак нельзя! Правда, есть хотелось...

– Вот скажи мне, Андрей, похожа я на воровку? – не выпуская из рук утюга, спросила у меня Ксюша.

«Интересный поворот», – подумал я, а на словах попросил:

– А можешь утюг поставить? А чуть дальше отойти? А теперь руки на бёдра и в профиль повернись. О! Вот так стой. Вроде не похожа!

– Какой же ты дурак, Чапаев, – опомнилась Ксюша, наконец поняв, что я прикалываюсь.

Я поймал её за руку, посадил к себе на колени, посмотрел в эти растерянные глаза и задал вопрос, который от меня ожидали, наверное, весь день:

– Что случилось, любимая?

И тут откуда ни возьмись слёзы... да такие крупные, да так много! Не знаю, может быть, это моё не совсем трезвое сознание увеличивало масштаб трагедии?

– Я тебя жду, жду, – жалобно всхлипывала Ксюша, – а ты...

Я молчал. Молчал, покачивая её на своих коленях и поглаживая по вздрагивающей спинке. А что мне ей говорить? На темы: «Почему так поздно?», «Тебя когда ждать?» и «Когда у тебя наконец выходной?» – мы все вопросы закрыли и ответы сформулировали: «Потому!», «Не знаю», «На следующей неделе». Подождав, пока Ксюша немного успокоится, я легонько шлёпнул её по попе и строго спросил:

– Рассказывай. Чего украла-то?

– Дурачок, – в нос прошептала «воришка», – представляешь, мне вчера дали понять, что подозревают в воровстве. Меня, понимаешь? Андрюша, ты меня знаешь... Я же такая дура, что найду на улице чемодан с миллионом и буду стоять и орать: «Чей миллион, товарищи?»

– Рассказывай, пока я не уснул, – зевнув, посоветовал я.

– Ладно, я быстро. Помнишь, я тебе про Анжелу говорила? Ну, богачка такая, у неё куча магазинов женского белья в Москве.

– Анжелу помню, кучу не помню, – честно ответил я, пристраиваясь на Ксюхином плече.

– Ну, вот. Я у неё работаю личным тренером по фитнесу. Ты знаешь, у неё в доме спортзал круче, чем наш профессиональный. Ну и вот, приезжаю я к ней на четвёртое занятие, а меня охранник не пускает. Звоню Анжеле, а та мне и говорит человеческим голосом, мол, в день нашего последнего занятия у неё из душевой ожерелье пропало с брюликами. А в тот день в это время в доме были только она, её муж, горничная, повариха, охранник, водитель и я. Всех она, видите ли, знает уже давно, а меня всего третью неделю.

– Что, прямо так и сказала, типа, верни брюлики? – зевнув, спросил я.

– Нет, но сказала, что муж нанял частного детектива и будет искать вора. А я говорю, что у меня у самой муж – сыщик. Ничего, что я тебя мужем... А она говорит, типа, вот пускай тогда твой муж и найдёт вора, но что мне лучше из города пока не уезжать.

– Да пошли ты её...

– Уже послала, Андрюша, но осадок остался. Может, поищешь? – жалостно всхлипнула моя красотка.

– Поищу, – тихо ответил я, нежно гладя её по попке, – конечно, поищу...

– Ну, Андрюша... Анрюш...

Утром проснулся от сопения у себя над ухом. Это Женька пыталась внаглую залезть к нам под одеяло. Через секунду я почувствовал, как она своими маленькими пальчиками открывает мой левый глаз, а открыв, как в микрофон, в него сказала:

– Это ты меня на диван ночью переволок? Признавайся!

– Я. Только не переволок, а аккуратно перенёс свою принцессу на её законное место, – шёпотом ответил я.

– А я вчера в садике на тихом часе Сашке Архипову говорю: «А ты можешь меня на ручки взять и вон на ту свободную кровать перенести?» А он взял меня, два шага сделал, а потом пукнул и уронил. Воспиталка прибежала... Представляешь? – накрывшись с головой, закончила свой рассказ Женька.

– И что вам сказала Наталья Ивановна? – вдруг подняла голову от подушки Ксюша.

– Сказала, чтобы папа пришёл, – вздохнул под одеялом ребёнок.

– Папа? Ничего, хватит твоей Наталье Ивановне и мамы. Папу ей... – усмехнулась бдительная мамаша, вставая с постели.

– Па, я теперь точно за Сашку взамуж не выйду, – приняла очередное окончательное решение Женька.

– Ну, ты не руби так с плеча, – потягиваясь, ответил я, – окрепнет ещё. Ты, главное, не толстей.

За завтраком Женька наотрез отказалась от второй сосиски.

* * *

Утро порадовало новыми табличками на дверях нашего отдела. Возле крайней двери стоял Дроздов и мощными выверенными движениями вворачивал очередной саморез в золотистого цвета табличку. Собственно, информация на ней была скудная. «Отдел оперативного розыска. Дознаватели» То есть их предполагалось несколько, но в наличии пока была только одна. Она стояла рядом, с восхищением глядя на работающего Ивана, и в протянутой ладошке держала последний шуруп. «Пока нет Лядовой, нужно выводить из-под огня дознавателя. Тем более что он у нас один», – своевременно подумал я и сказал:

– Иван, привет. Блекис, зайди.

Ванька поздоровался и, улыбнувшись Галине, взял из её ладошки шуруп и сунул себе в рот. Что привело в некоторое (сексуальное) замешательство дознавателя Блекис.

– Галина Яновна, мы вчера с вами так и не познакомились. Ваши бумаги я позже посмотрю, а вы мне вкратце сами о себе расскажите, – показывая на стул, попросил я.

Она и правда была похожа на выпускницу средней шко-

лы. Небольшого росточка, худенькая. Одета в неудачно подогнанную форму. Создавалось такое впечатление, что всё это на вырост. Вспомнилась первая реакция Дрозда, когда он впервые увидел дознавалку:

– Она это с убитого сняла?

Тогда эта «шутка» понравилась только Лядовой. Скромная уставная причёска, ещё скромнее макияж. Аккуратные короткие ногти и чуть уловимый запах «маминых» духов. «Она, наверное, и бельё хлопчатобумажное носит», – улыбнувшись про себя, подумал я.

– Издалека начинать или с института? – улыбнувшись, не глядя на меня, спросила Галина.

– А как хотите.

– Папа – литовец, мама русская. Поэтому и имя с фамилией такие. Закончила Орловский юридический, факультет подготовки следователей. Работала следователем в Подмосковье, потом дознавателем. Сюда перевели месяц назад, – спокойно рассказывала Блекис. Но, сделав паузу, улыбнулась и вдруг продолжила: – По блату. Всё равно ведь узнаете, Андрей Васильевич. Меня Виолетта Юрьевна порекомендовала к вам перевести. И её послушали.

– Интересно. Работали вместе? – ошарашенный новостью, спросил я. – Или родственные связи?

– Работали, – коротко ответила Галина. – Андрей Васильевич, вы не беспокойтесь, я девушка спокойная, усидчивая, в глаза не лезу, указания выполняю, закон чту. А ещё

свободная, и детишек пока нет. Так что больничными вас забрасывать не буду.

– Ну, что ж, поработаем, а там видно будет, Галина Яновна. Вы у нас пока одна, так что нагрузка первое время будет максимальная. Кстати, через час встречаюсь с Виолеттой Юрьевной на допросе. Привет передать?

– Ой, передайте, если не трудно.

– И ещё... дресс-кода у нас нет. Повседневное ношение формы на службе необязательно, – на всякий случай предупредил я Галину, давая понять, что необязательно каждый день «чистить пуговицы» на кителе.

– Я поняла вас, Андрей Васильевич, но мне так удобней. Меня, честно говоря, и так не замечают, а в обычной одежде вообще никто всерьёз не воспримет, – мило улыбнувшись, объяснила дознаватель, эдакой бабочкой-капустницей выпорхнув из моего кабинета.

* * *

Неожиданно позвонила следователь по особо важным делам Корниенко Виолетта Юрьевна и предупредила, что допрос подозреваемого Еремеева переносится на одиннадцать. Причина? Причина – адвокат, представляющий интересы Еремеева. Откуда вдруг взялся? Нанял бывший армейский командир сержанта Еремеева. Хочет ознакомиться с ходом предварительного расследования, с уликами и самим фак-

том проведения задержания. Честно говоря, ничего нового, но нервирует как-то (я о следователе).

А ещё через пятнадцать минут позвонил по «внутреннему» дежурный по Управлению и скороговоркой, не давая вставить ни слова, протарабанил:

– Двух оперов и дознавателя на выезд. Ограбление. Чёрный «рено» с бригадой во дворе.

– А что, у вас опера закончились? – попробовал возмутиться я.

– Приказ Воронина.

– Принял. Шароев, Лядова, Блекис – на выезд. Микроавтобус с бригадой во дворе. По коням! – крикнул я своим и в ответ услышал, как запищали колёсики кресел по линолеуму и захлопали металлические дверцы сейфов.

Ко мне зашёл Дрозд с кружкой чая в руке и с удивлением в голосе выдал:

– Васильич, а чё происходит? Нас скоро дискотеки будут посылать охранять. Можно сказать, элиту...

– Иди бумаги приводи в порядок, элита, – усмехнулся я.

В дверях моего кабинета Иван неожиданно столкнулся с незнакомым мужчиной в хорошем дорогом костюме и портфелем в руках. Мужчина неловко повернулся, чтобы пропустить Дрозда, и нечаянно задел его своим кожаным аксессуаром.

– Осторожно, господин, вы чуть не травмировали оперативного сотрудника, между прочим, – простонал Ванька, по-

тирая коленку.

– Простите великодушно, – приложил руку к груди господин. – А где я могу Чапаева...

– Чапаева не можете нигде, а вот он вас может, – перебив мужчину, ответил Иван и, шумно отпивая из кружки, постукал пальцем по табличке на двери.

– Адвокат Корягин Анатолий Николаевич, – представился мужчина и протянул мне свою визитную карточку.

– Чапаев, – коротко представился я, вручая свою. – Проходите, мне по вашему поводу звонили.

Получилось очень интеллигентно, прямо как в кино про дипломатов.

– Исчез! – крикнул я Дрозду, не поднимая головы, отчего адвокат неожиданно привстал со стула. – Извините, я не вам. Мне Виолетта Юрьевна звонила...

В это время «заиграл» мой смартфон и, увидев адресата, я сообщил адвокату:

– Легка на помине. Здравствуйте ещё раз, Виолетта Юрьевна. А мы тут с Анатолием Николаевичем...

– Чапаев, послушай. Меня тут с полпути завернули. Еду на место преступления. Там новые обстоятельства вскрылись. Труп, откуда ни возьмись, появился. В общем, по моему профилю дельце. Короче, допрос Еремеева перенесите на любое удобное, адвоката в известность поставь. Вопросы?

– Я понял вас, Виолетта Юрьевна. Я думаю, мои на это же дело поехали. Старший – капитан Шароев. Кстати, ваша

Блекис там тоже будет, – сообщил я следачке.

– А её туда зачем? А, поняла, до звонка мне там ещё труп не было. Ничего, я найду ей работу.

– Виолетта Юрьевна, у меня предложение. Еремеева уже привезли, мне охрана уже докладывала. Ну, чего его туда-сюда возить? Разрешите, мы с адвокатом с ним пообщаемся? Так, без протокола. Я вопросы общие позадаю, а адвокат с клиентом познакомится, – предложил я, понимая, что это будет не лишним.

– Не возражаю. Извини, меня уже привезли. Расскажешь потом, – согласилась следователь и отключилась. А я начал вспоминать, когда это мы перешли на «ты».

– Вам привет от Виолетты Юрьевны. Ну, вы слышали? К сожалению, все материалы по делу мы уже передали в Следственный комитет, так что бумаги не у меня. Предлагаю провести ознакомительную беседу с вашим клиентом. Вы же ещё его не видели. Я выясню кое-что для себя, потом, если хотите, оставлю вас одних, поработаете. Согласны? – предложил я адвокату Еремеева.

– Я за конструктив, – кивнул головой Корягин.

* * *

За сутки бывший курсант Академии МВД мало изменился. Разве что исчезли с плеч погоны с буквой «К» и лычкой старшего сержанта. Запёкшаяся кровь в ухе да синяк на пра-

вой скуле... Ну, это бойцы группы захвата отметились. А как без этого? Видно было, что большой неожиданностью для Сергея было появление адвоката. И не государственного, а из очень приличной московской адвокатской канторы. Подождав, пока адвокат задаст Сергею традиционные вопросы по жалобам, содержанию и ходатайствам, я объяснил подозреваемому, что полноценного допроса без следователя, ведущего это дело, не будет. И неожиданно предложил ему:

– Серёга, расскажи нам об изнанке этого дела. Мне будет проще понять логику твоих действий, а адвокату правильно построить защиту. Не спеши, время есть.

– Ну, ты, Чапаев, даёшь! День назад ты во мне чуть дырок не наделал, а сегодня ему изнанку подавай. Если нет допроса, значит, есть законное свидание с адвокатом без прослушки и применения технических средств. Может быть, помните, товарищ подполковник, я на четвёртом курсе учусь... учился, – спокойным тоном ответил, а на самом деле послал меня на... бывший курсант Еремеев.

– Заявление на свидание с подзащитным на имя следователя, ведущего данное дело у меня с собой, – моментально отреагировал адвокат Корягин.

Конечно, я дал им возможность пообщаться, тем более что всё это происходило в рамках закона. А «изнанку»... а изнанку я узнал только через восемь месяцев. Это после следственных экспериментов, очных ставок, долгого и скрупулёзного следствия и суда. «Изнанку» мне рассказал адво-

кат Корягин (с устного разрешения бывшего курсанта Еремеева). Вот она.

«Изнанка» преступления курсанта Еремеева

В обычной российской семье детей было трое. Старший, Сергей, и на четыре года младше его двойняшки – Наташка и Лёнька. Лёнька был инвалидом детства. У парня обнаружили врождённый порок сердца. Пришло время, и старшего брата призвали в армию. Парень был спортивный, сильный, выносливый и попал служить в легендарную мотострелковую дивизию МВД особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. Закончил службу в звании сержанта – командира отделения разведвзвода. Вернулся домой в мае, а в июне в семье случилась беда. Отец с матерью на выходные поехали на подмосковную дачу прибраться после зимы. Собирались там провести летний отпуск всей семьёй. Но в начале июня было ещё прохладно, и отец на ночь затопил печь. Наравно-тавшись за день на участке, уснули быстро и... угорели.

Сергею было двадцать, Наташка и Лёнька в этом году только школу закончили. Но была ещё жива бабуля. Она и взяла дела семейные в свои руки. Наталья в этом же году поступила в Архитектурный на дизайнера, Лёнька прошёл конкурс в Художественное училище. А Серёга подписал контракт с Министерством обороны и улетел в Сирию работать по специальности. Боевых хватало, чтобы содержать млад-

ших студентов.

Через год службы Лёнькин разведвзвод попал в засаду. Вернее, засаду сделали они, но боевиков оказалось в пять раз больше, чем ожидалось. Еле отбились... Во время боя Серёга вытащил на себе командира взвода и сам был ранен. Указом президента Российской Федерации за личное мужество, проявленное в бою, награждён орденом Мужества. Был комиссован по ранению. Посоветовали, пользуясь льготами, поступать в военное училище. Поступил... в Академию МВД.

Прошло ещё два года, и умерла любимая бабушка. Стало некому жарить по утрам сырники и нажимать кнопку стиральной машины. Наташка сказала:

– Теперь я ваша мамка, пацаны!

И перевелась на заочную форму обучения. Потом продали родительскую дачу. У Лёньки со здоровьем было очень нестабильно. Нужна была срочная и дорогостоящая операция. Пару раз Серёга находил у младшего пакетики с травкой. На Серёгин вопрос: «Что это, говнюк?» – младший истерил и говорил, что читал о применении каннабиса в медицинских целях, что марихуана помогает ему расслабиться после приступов, успокаивает и обезболивает. Серёга порылся в интернете... и правда. Но на всякий случай жёстко пригрозил:

– Ещё раз найду, я тебе, Лёха, эту дрянь в задницу засуну. Так и знай!

В тот злополучный вечер Серёга был на дежурстве. Он устроился на работу ночным охранником на склад электронной техники. Работа была классная. Платили немного, но без задержек. Вечером собачек выпустил на территорию и только слушай. Хватало времени и к лекциям подготовиться, и спортом заняться. Правда, в эти дни младших он мог контролировать только по телефону. Но обычно не ввали. Да и не дети, обоим было уже по двадцать лет.

Билеты на концерт в Ледовый дворец Наташка с Лёнькой не достали. Вернее, билеты были, но цены... Потоптались немного в компании таких же неудачников и решили ехать домой, а по дороге пиццу заказать. Но прямо на остановке маршрутки у Лёньки случился приступ. Пока достали таблетки, пока Лёнька проглотил то, что ему нужно было, пока Наташка сбегала в ларёк и принесла воды запить, уехали две маршрутки. А тут УАЗик ППС останавливается...

– Что здесь делаем, молодёжь? – спросил вышедший из машины сержант, похлопывая себя по ноге резиновой дубинкой.

– А что можно делать на остановке? Сидим, маршрутку ждём, – ответила Наташа.

– И чего это мы такие дерзкие? – угрюмо ответил второй вышедший из машины сержант.

– Послушайте, – тяжело дыша, ответил начавший приходить в себя Лёнька, – мы просто сидим и ждём свою двести семнадцатую маршрутку.

– Валер, да он лыка не вяжет. Бухие оба, – подойдя ближе, заявил младший сержант. – А ну-ка встали! Всё из карманов на лавочку выкладываем.

Наташа с Леонидом встали и начали выкладывать всё, что было у них в карманах: ключи, студенческий билет Лёни, небольшая сумма денег, таблетки, спрей, расчёска... Не удовлетворившись увиденным, патрульные решили произвести личный досмотр. Один сержант обыскивал Лёню, второй – Наталью.

– Слышишь, ты... ручки свои шаловливые прибири, – пыталась брыкаться Наташка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.